

ПРОББИНА

ЧЕРНАЯ

ЛУНА

18+

АЛЕКСАНДР ИЗОТОВ

Александр Изотов

Пробоина 5: Чёрная Луна

«Автор»

2026

Изотов А.

Пробоина 5: Чёрная Луна / А. Изотов — «Автор», 2026

В этом мире все ждут, когда через Пробоину придёт Чёрная Луна. Тогда начнутся Последние Времена, и маги будут стоять против полчищ чудовищ столько дней, сколько позволит их сила. Но сначала в этот мир пришёл я...

© Изотов А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Призвавшие	5
Глава 2. Липовый	12
Глава 3. Обгоревший	19
Глава 4. Беспомощный	25
Глава 5. Ароматный	30
Глава 6. Гудящий	36
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Александр Изотов

Пробоина 5: Чёрная Луна

Глава 1. Призвавшие

Как-то не так я представлял себе встречу с духами, повинными в том, что я оказался вырван из родного мира.

– Рюревские, значит? – прошептал я.

«Да, Рюревские».

Спустя всего пару секунд, как я погиб, мне сейчас больше всего хотелось зарычать и со злостью броситься на стенки кокона. Самому расколоть скорлупу, чтобы добраться до этих Рюревских, заигравшихся чужими судьбами.

Но я, конечно же, спокойно спросил:

– Ну, и зачем вы меня призвали?

«Чтобы спасти род».

Я вздохнул от их простоты. Если бы у меня было физическое тело, то, наверное, заиграли бы от злости желваки.

Да, я был в теле Василия много времени, и род Рюревских теперь для меня не совсем пустой звук. Я прекрасно помнил ту дыру в душе парня, которая раскрывалась, когда он передавал мне свои эмоции. Василию очень хотелось иметь за спиной сильный, а главное, заботливый род.

Рюревских я такими назвать не мог...

«Всё не так просто, как тебе кажется, Иной».

– А взамен? – прорычал я, с трудом контролируя злость, – Знаете, даже демоны всегда что-то предлагают взамен.

Самое обидное, что злость была действительно моя. Никакие артефакты или магия не вызывали её.

«Мы не демоны. Мы предлагаем тебе правду».

– Тв... – я на миг потерял дар речи, – Твою же... вашу псину! Какую ещё правду? Какую правду вы, духи из другого мира, можете предложить псионику Свободной Федерации? Она мне нужна была?

Духи некоторое время молчали, давая мне время успокоиться. Оно и понятно – я только что допустил глупейшую ошибку при вскрытии усыпальницы, и теперь сам, по сути, такая же бесплотная сущность, как и они.

«Не такая же. Ты ещё не закончил».

– Ладно, – уже спокойнее ответил я, – Что за информация.

«То, что творится в нашем мире – война богов.»

– Поздравляю.

«И она придёт в твой мир. Это уже началось, и не так, как бы тебе понравилось.»

– Уже интереснее.

«Перед смертью своего физического тела ты встретился с одним из проявлений такой магии. Те, кто хочет разрушения твоего и нашего миров, уже передают секреты твоим врагам».

Тут я заволновался. Ну да, погиб я не совсем обычным способом – от орбитальной бомбардировки. Там ещё и бомбы, насколько мне было известно, были какие-то экспериментальные.

А перед этим сраные капиты пытались спасти своего искусственного псионика. Капиты действительно сделали невозможное – технология, способная генерировать ментальную энергию.

А это точно была технология?

– Погодите-ка, – вырвалось у меня, – Так вы о капитах?

«Наверное. Мы многого не знаем. То тело, в котором ты только что был – это Страж Духов, оракул, который может общаться с умершими. Так все думают, но у него гораздо больше возможностей».

– Ну да. Я подловил его, когда он выуживал знания из гвардейца, одержимого Легионом.

«Такой оракул не один. Такие были и у нас в роду. Немного, но мы знаем о вашем мире».

– Ладно. А причём здесь Василий? Как связана наша война с капитами и ваши семейные проблемы?

«Впервые наш род обречён. Позволь немного рассказать тебе».

Не скажу, что меня удивила история, которая звучала, как сказка, но некоторые моменты оказались довольно неожиданными.

В истории моей родной Земли, если вспомнить монархию, право на престол всегда имел тот, кто старше. Но здесь был другой мир, где принадлежность к голубой крови решалась магией.

Красногория, известная и славная магами огня, имела важный нюанс в законе престолонаследия: наследником должен быть маг огня. Если царский род представлял перед сложностями, помочь ему в этом деле всегда могли два других Великих Лунных рода – Славины и Борзовы.

Такое случалось раньше, что власть переходила другому Великому Лунному роду, но эти два рода очень давно были лишены престола. И это давало повод для обид.

Вот и получилась интересная картина у Царя. Игорь Олегович Рюревский имел двух сыновей, практически одногодок. Для правителя два наследника – всегда радость, но не в этом случае. Старший с самого начала проявлял таланты оракула, а младший...

Ну, такое бывает в истории Лунных родов, когда отпрыск «пустой», но если лунная кровь сильная, то обычно она довольно рано проявляется. Всем известен крайний возраст, после которого уже не ждут магических свойств – двадцать один год.

Я усмехнулся:

– Да, я слышан.

Стоп. А когда там день рождения-то у моего-то Василия? Когда меня Вепревы к себе притащили, они давали мне месяц до возраста, когда я вступал в наследство Великого Рода. А после этого я довольно много потаскался по миру...

«Василию Рюревскому, единственному подходящему для нас наследнику, двадцать один год исполнится через три месяца».

– Что-то не сходится, – я задумался и представил себе пальцы, по которым хотел пересчитать дни и недели.

«Документы Василия были подделаны талантливым оракулом. Да, он бастард, рождённый вне брака, но это не так важно, ведь Василий – не пустой».

– Ему мешает магия Вето.

«Это часть договора с Незримой».

– Что? Какого дого...

«Иной, ты нетерпелив. Так мы никогда не закончим».

– Ладно, продолжайте.

В общем, один сын – оракул, второй – пустой, и в затылок жадно дышат два Великих Рода, жаждущих трона. Игорь Рюревский оказался в непростой ситуации, пусть даже младший сын всё же «пробудился» – было поздно, уже закрутился маховик лунных интриг.

Бесспорно, оракул царской крови получил бы очень высокое положение при дворе и в гвардии. Но это – не трон, о котором мечтал Драгош Рюревский, тот самый старший сын-оракул.

А в Красногории, помимо Великих Лунных родов, были и ещё силы, которым не очень нравился расклад власти.

Высокомерные Стражи Душ, которые испокон веков с презрением относились к стихийным магам, и те им отвечали взаимностью. Оракулов, кстати, вообще мало кто любил.

Загадочные чернолунники, которые вообще стояли особняком, храня какую-то свою особую тайну об этом мире.

И великолунцы, соседняя держава с замашками империи, которая была вообще не прочь, чтобы в Красногории не было никакой власти. Это при том, что своих Лунных соседи хранили, как зеницу ока.

Старший сын Драгош знал, что вскоре Великие Лунные рода потребуют своё право на престол, и понял – раз законы бесполезны, надо просто изменить их. Тем более, сам он был оракулом, обучался в академии Стражей, и быстро проникся презрительным отношением к магам стихий. Так что не удивительно, что ему пришла идея включить в список обязательных наследников престола и оракулов тоже.

Надо сказать, что среди Стражей Душ он довольно быстро нашёл единомышленников. Правда, более радикальных – они считали, что вообще вся власть должна быть у Стражей Душ. Тем более, учитывая то, что они защищают Красногорию от враждебных духов, вселяющихся извне в магов.

Чернолунники просто хотели сбросить ярмо царского рода. С глубокой древности установилось, что Царь властвует и над страной, и над церковью. При этом чернолунники хранили самое глубокое и сокровенное знание об этом мире, да ещё готовили Привратников, способных обуздать любой Вертун.

Так как Стражи Душ являются частью Царской Гвардии, связанной и с чернолунниками, заговор быстро распространился среди всех заинтересованных лиц. Но об этом же стало известно и Царю, и Великим Лунным родам.

В Красногории сложилась шаткая ситуация...

Борзовы и Славины хотели трон, но очень не хотели менять законы, иначе они потеряли бы даже призрачный шанс на корону.

Стражи Душ вообще хотели всю власть, сдвинув магов стихий на ранг ниже оракулов. Ну и что, что маги огня сражаются с монстрами, лезущими из Вертунов – они могли продолжать это делать и под присмотром оракулов.

Чернолунники хотели власти только над своей Церковью Чёрной Луны, и вообще не прочь были отделиться. Конечно, сохранив полностью при этом церкви по всей Красногории и власть над умами лунных, подлунных и безлунных.

Царь оказался перед трудным выбором. Пойти против старшего сына, исполнить закон, но потерять трон. Или всё же поддержать Драгоша в его желании изменить традиции, а взамен получить страшное будущее – ведь Красногория была славна именно магами огня, ни о каких оракулах у власти не могло быть и речи.

Ситуация была шаткая, но вполне устойчивая из-за нерешительности Царя. Игорь Рюревский готов был поддаться на уговоры Драгоша чуть-чуть изменить закон, всего один разочек, хотя всё равно тянул до последнего.

– Очень знакомо, – вздохнул я, – В истории Свободной Федерации такое уже было, и ничем хорошим это не заканчивалось. Но, может, только поэтому мы и стали крепче.

«Красногория станет крепче, если сможет сохраниться».

– Я так понял, произошла маленькая неожиданность, и пошло-поехало?

«Да. Случилась неожиданность, и не одна».

Ситуацию резко сдвинуло две новости – проявление магии огня у младшего брата Драгоша, Игната Рюревского, и слухи о рождении ещё одного внебрачного наследника с явной огненной кровью.

Закрутились сразу все маховики заговора...

Драгош понял, что помимо глупых древних законов и Великих Лунных, перед ним появились новые препоны в виде братьев: Игната, с которым он вырос с детства, и неизвестного новорожденного выскочки, который с первой огненной искрой в открывшихся глазах заявил о праве на трон.

Игнат, двадцать лет проходивший в «пустых» и до последнего не мечтавший о власти, в своё законное право неожиданно вгрызся всеми магическими зубами. И чуть ли не во всеулышанье заявил, что его старший брат хочет изменить священные традиции.

Царь, естественно, только обрадовался такому событию и забыл про все обещания Драгошу. Но все стороны слишком погрязли в заговоре, да тут ещё соседи-великолунцы пообещали трон Славиным, если те помогут снять Рюревских.

Великолунцы в данной ситуации действовали крайне просто – они поддерживали все силы, которые могли бросить Красногорию в хаос.

Стражи Душ хотят власти? Пожалуйста.

Славины? Да без проблем, тем более, именно южные земли Славиных большей частью граничат с Великолунией.

Чернолунники? Ну, это тёмные ребята со своими бзиками, с ними мало кто хочет работать, но подумать можно.

– Да уж, – сказал я, – Если б вы знали, какие это бзики. Там Красногория лишь кубик на доске...

«Мы знаем о Незримой. Поэтому и согласились на договор, но ты должен дослушать».

– Да, да...

В общем, что случилось дальше, и так понятно.

Игнат погиб странной смертью при путешествии в усыпальницу рода. Ведь юный наследник только-только получил право на трон, и ещё не понял, как это опасно для жизни.

И Борзовы, которые пытались поддержать Игната, да ещё имели в рукаве козырь в виде другого наследника, исчезли с лица Красногории.

А Славины неожиданно для себя оказались замешаны в играх Стражей Душ, тем более, их самих крайне напугало резкое исчезновение целого Лунного рода. Всё было запутано таким образом, что в результате Славины оказались на коротком поводке у великолунцев. Да ещё странная активность Красных Вертунов в землях Славиных в это самое время, будто наказание от высших сил.

Царь был взбешён. Мало того, что он потерял Игната, так и его любимая фаворитка, жена главы Борзовых, которая как раз родила ещё одного претендента на трон, навсегда исчезла вместе с ними. И с младенцем.

А Драгош, очень талантливый в интригах и всегда чувствующий, когда надо смотаться, вовремя ретировался в горы Святого Диофана, уходя от царского гнева. Точнее, его туда увезли, потому что Чёрная Хворь уже ударила.

Как раз перед этим он получил в дар от Царя несколько когорт отборных магов, навсегда ставших его личной гвардией – Игорь Рюревский ещё до трагедии пытался задобрить старшего сына, намекая, что уже не стоит претендовать на трон и уж тем более менять законы. Поигрались, так сказать, и хватит, там вон Игнат «пробудился».

Драгош думал ударить по Царю вместе со Славинами, но те в последний момент передумали, напуганные реальным исчезновением Борзовых. Борзовых, одного из трёх Великих Лунных родов!

Просто одно дело получить трон и свысока смотреть на поверженных конкурентов, и совсем другое дело осознать, что кто-то посмел уничтожить священную Лунную Кровь. Да, Лунные рода резали друг друга, плели заговоры, подсиживали, вырождались и возникали, но Великие оставались незыблемыми столпами.

Поэтому Славина в тот момент дрогнули. А потом и вовсе стали изображать ревностную верность Царю, тем более, когда по стране пошли подозрения, что это Славина уничтожили Борзовых.

Как Драгош стал Перволунником, духи рода были не совсем в курсе. Это было как-то связано с ударившей по всем Рюревским болезнью, и с видением всему Чёрному Караулу от Чёрной Луны. Вроде пророчество гласило, что Последний Привратник и наследник Рюревских связаны, а тут чернолунникам счастье само прикатило в виде Драгоша.

В общем, с той поры ситуация снова встала в шаткую позицию. Царь, оказавшийся под Чёрной Хворью, уже не мог вытянуть ситуацию – ему свою и всего рода жизни спасти надо было. О наказании Славинах и тем более речи быть не могло, потому что южным землям стали угрожать войной великолунцы. Не время для внутренних разборок.

Драгош, ставший Перволунником, тоже занялся здоровьем в горах Святого Диофана.

– Успокоились, в общем.

«Чёрная Хворь стала для всех неожиданностью. Такое бывает, когда боги намекают, что смертные заигрались».

– Ой, не надо о богах. Ладно, я всё понял, хотя некоторые подробности требуют ясности. Теперь только Василий, получается?

«Мы отреклись от Драгоша. Он больше не Рюревский, и ни капли нашей лунности не будет ни в нём, ни в его детях!»

– Ох, жёстко, – я присвистнул, – Это из-за убийства брата?

«Драгош виноват в смерти брата лишь отчасти. Он уже тогда интересовался магией чернолунников, и желал наложить на брата запретную магию Вето, едва узнал о «пробуждении» Игната».

– Ну да. Тем более, убийства братьев-наследников, наверное, не такая уж и редкость.

«Не редкость».

– Тогда из-за Борзовых, что ли?

«Нет. Драгош, шантажируя своего отца, пригрозил лишить род Лунной силы. Навсегда! Весь Великий род Рюревских!»

– Вашу же псину... Так это правда? Ну, я слышал, что чернолунники могут делать лунных безлуньями, но думал, что это слухи.

«Не слухи. Лунность самого Драгоша исходит от Рюревских, и это останавливает его, но он ищет способы. Царь потому и не решался атаковать Храм Первого Полнолуния, потому что боялся за нашу Лунную Кровь».

– Так Драгош – он ваш или не ваш? Вы же сказали, что отреклись...

«Не вмешивайся в дела нашего рода, Иной! Дела Рюревских тебя не касаются!!!»

От резкого окрика во мне вновь проклюнулась злость. Тем более, когда на лицо явные противоречия.

– Я это слушал не для того, чтобы какие-то бесплотные старпёры закатывали мне истерики, – холодно сказал я.

Духи замолчали, и я почувствовал раздирающие их эмоции. Ярость, страх, обида, стыд...

«Драгош поставил артефакт в усыпальнице. Это оружие против Легиона, но он применил его против нас, духов своего рода. Мы разобщены, мы изгнаны из собственной гробницы!»

– То есть...

«А сегодня он принёс в усыпальницу двоих раненых наследников, желая договориться с нами. Мы не можем отречься от Драгоша... Он шантажирует и нас тоже».

– Охренеть, ну прямо исчадие хитрости и коварства, – буркнул я, всё ещё чувствуя злость на старых истеричек, – Вы уж определитесь.

«Драгош ушёл».

– Ушёл? Перволунник ушёл из Храма?

Я начал догадываться, кто были те фигуры. Ну а что, так и уходят великие тираны, тихо и незаметно.

А может, он выехал ещё раньше, прихватив с собой Эвелину?

«Да, ушёл, наплевав на свой род! Мы поддерживаем жизнь в наследнике, но он сильно ранен, и артефакт мешает. Ему нужна твоя помощь».

– А второй что?

«Сбежал, превратившись в уголька».

Я хотел продолжить допрос, но чуть не подавился астральным комом в астральном горле:

– То есть... Стоп, псы толчковые! Так кто сейчас лежит в усыпальнице?

«Василий Рюревский».

– А сбежал кто?!

«Вячеслав Рюревский».

– Ключевец?! Великолунский шпион?

«Да. Он тоже неожиданный наследник, но волей судьбы он ненавидит наш род даже больше, чем Драгош».

Я поражённо замолчал. Жжёный ты псарь, Ключевец! Как ты стал жжёным псом-то?!

Сразу вспомнилась оплавленная брусчатка возле Храма Первого Полнолуния, и круглые глаза послушника, кричащего из окна: «Это Последние Времена!» Так вот они какого уголька видели.

Твою ж... Ох, на... Да чтоб меня...

– Отшлёпай меня Незримая, – только и выговорил я.

Вячеслав скопировал-таки технику Пса, но явно получилось немного не то. Ну, а нефиг копировать её у недоучки-«пустого» с кирпичом в чакре.

«Незримая согласилась, чтобы в обмен на её помощь мы выбрали претендента на Последнего Привратника».

– Вот даже как... И выбрали вы меня. Почему же?

«Ты должен спасти наш род. Даже перед самой смертью ты думал, как передать восточку, чтобы сохранить свою страну. Ты спасёшь Рюревских и Красногорию. Василий смел, но его характера не хватит, чтобы претерпеть все невзгоды».

– О-о-о, как красиво поёте.

«Тот магический артефакт, с которым ты встретился перед своей смертью...»

– Искусственный псионик?

«Да. Ты получишь знания о нём от Незримой».

Я поджал губы. А чего мне Эвелина тогда ничего не сказала? Хотя, она вроде как намекала, но, судя по всему, условия договора пока держат её.

– Ну, а что же Незримая хочет?

«Она давно пытается вырваться, но все решения её возрождений за тысячи лет ни к чему не привели. Любой род силён тем, что доверяет воле своих детей, и эта воля может быть разная. Но ничто так не укрепляет кровь, как свежий приток.»

– В общем, вы её убедили, что она должна довериться чужаку, так?

«Да, довериться чужой воле. Это когда-то привело её в ловушку, и это же освободит её. Взамен она обещала не разрушать этот мир, спасти Красногорию, и снять проклятие».

– Целый комплект прям. Чужая воля, это моя?

«Да».

Я возмущённо замолчал. То есть, все эти закидоны Эвелины – это она так доверилась моей воле?! Особенно, когда уговаривала тащиться в пустыню, чтоб уничтожить её сердце? Или когда вообще закрыла в своём мире-коконе?

«Кто мы, чтобы понять замыслы богов?»

По мне, так это напоминало лишь божественные проявления женской логики, но сказал я другое:

– Действительно... И что я должен сделать?

«Псарь псаря чуёт втихаря. Ты должен найти, кто удерживает Незримую здесь», – тут духи замолчали, а потом как бы напомнили, – «И спасти наш род».

– С обоими пунктами сейчас неувязочка, – хмыкнул я, удивляясь, откуда духи узнали поговорку псиоников.

«Только сильный маг огня сможет открыть вход в усыпальницу».

– Вы меня всунете в Василия?

«Мы не можем, артефакт не даёт. Но рядом есть сильный, очень сильный маг, и его ранга может хватить».

– Это тот зомби, что ли?!

Я сразу вспомнил, что под Межедаром мне уже довелось нырнуть в сознание одного из таких умалишённых. Это был Страж Душ, и тогда я чуть кони не двинул.

Что-то мне подсказывало, что здесь будет не легче.

«Да, действие проклятого Вертуна может убить тебя. Но мы больше ничего не можем предложить. Когда Царь подойдёт к усыпальнице, наследник умрёт».

– Столько вариантов, аж глаза разбегаются... – с угрюмой обречённостью ответил я.

«Готов?»

– Да.

Глава 2. Липовый

Организм, разрушенный бесконтрольным потоком грязной псионики и необратимо долгим действием «порошка счастья» – это просто клоака. И вот в эту клоаку я и свалился, внезапно осознав себя смрадным, с дымящейся кожей на голове, полумёртвым зомби.

– Защитить Перволу... – прошептал я, и оборвал себя на полуслове, – Да чтоб тебя!

Всё это было произнесено губами, представлявшими собой два покрытых волдырями мякиша, и я прямо чувствовал их вес и колебания водицы под плёночкой ожогов.

А потом пришла боль...

– А-а-а!!! – с горловым хрипом я свалился на руки и чуть не потерял сознание, когда одно предплечье сложилось под углом, и явно не в локте.

Осколок кости взбугрил мышцы и взрезал кожу самым концом возле локтя, проглянув через ткань красного мундира. Я сквозь пелену адской боли, вlepившись щеками в щебень, некоторое время смотрел, как красный рукав становится ещё более красным от кровотечения – ткань набухла кровью на глазах.

– Защитить Перволунника, – где-то рядом со мной послышался ещё хрип, сопровождающийся почему-то потрескиванием углей, будто костёр жгли.

Тим, отрубай боль! Тим, ты сейчас вырубись, отрубай боль!

Щазз... Легко сказать, когда у тебя все энергоконтуры вместе с чакрами сожгли, а потом всё это перемешали кочергой. Как замкнуть контур, если я не могу даже зацепиться хоть за один поток?!

А энергия огня так и прёт, просто заливает меня настоящим огнепадом. Будто потоки лавы из вулкана вырвались и поглотили меня. И я вращаюсь в этом круговороте, и воронка палёной боли постепенно затягивает.

Всё, на что мне хватило сил – это повернуть голову, чтобы рассмотреть какое-то массивное сооружение, прильнувшее к скале. Часовня, только огромная и массивная, без окон и дверей.

Я даже зажмурился... Она светила в пси-диапазоне, как солнце, в сотни раз ярче, чем Красная Луна. Просто ослепила все мои изуродованные чакры, пробила насквозь стихией огня. Но энергия была очень грязная, нехорошая, как от проклятого Вертуна под Межедаром.

Да будь я даже здоров, как бык, мне бы не сразу удалось сконцентрироваться. Слишком много огня.

Отрубай боль! Шок выбьет тебя из сознания, Тим! Надо удержаться здесь, не срывайся!

Обидно, когда ты знаешь, что дальше будет, но не можешь ничего сделать. Боль нахлынула с новой волной, водоворот страданий усилился, и темнота поглотила меня.

Держись...

– Держись!

– А то упадём?!

– Да! – и многоголосый хохот.

Я открыл глаза, с недоверием разглядывая длинную ферму идеально обработанной балки, лежащей на потолке надо мной. Сплав титана, алюминия, и ещё полусотни элементов, с множеством фрезерованных отверстий разной формы для облегчения конструкции, и в то же время с сохранением несущей крепости.

Разглядывал я это сквозь едва различимое стекло гермошлема, на котором по краю зрения отражались все данные костюма и моего организма. Только подумаешь о нужном параметре, чуть скосишь глаза, и цифры с графиком увеличиваются.

О-о-о, это ощущение, когда костюм с экзо-скелетом плотно облегает тело, приликая к каждой нервной клеточке кожи – как же я скучал по тебе.

Это новейший хамелеон, разработка наших умников как раз для современной Африки. Можно закапываться в радиоактивный песок на несколько дней и ничего не будет.

– Ра-а-асцветали чуткие радары, за-а-асекли мы на орбите флот... – кто-то хрипло и фальшиво затянул, ему подпели ещё несколько одарённых талантов.

Твою ж псину, это десантная капсула. Чуть потряхивает, потому что наш орбитальный крейсер, делая очередной заход, уже спустился в верхние слои атмосферы. Я обожал и эти ощущения, предсказывающие, что скоро скучное ожидание закончится и нас сбросят в самое пекло.

Передо мной ряд тёмных, с зеленоватым отливом, шлемов десантников. Сидим плотненько, в тесноте, прижатые рамой безопасности. Покачиваемся в такт тряске, а в микрофоне слышится переливчатый треск ругани пилотов и командования.

– Заходите на шесть часов... Высота триста...

– Не могу. Там ПВО работает.

– А вы по краешку, осторожно.

В ответ отборный мат пилотов.

Я медленно повернул голову вдоль ряда десантников, посмотрел на соседа. У меня чуть не навернулись слёзы, едва я увидел рядом с собой родной «свисток», капитский Шам-Рифл. Рука моя согнута в локте, упирает винтовку в сиденье...

Никому не отдам. А сраный Перволюнник, который думает, что магия спасёт его, получит пулю посреди ночи даже сквозь бетонную стену.

– Капитские крысы опять простудились, – в уши ударил весёлый крик.

– Сейчас подлечим!

– Смотри, «липовый цвет» пошёл...

Тёмная фигура рядом со мной в облегающем хамелеоне показывает пальцем в самый нос капсулы. Там установлен огромный округлый иллюминатор, в который сверху видно ребристую часть крейсера, к которой мы пока что прицеплены.

На фоне крейсера величественно разлеглась планета Земля, покрытая редким пушком облаков, и я узнал под ними песочно-рыжую Африку. Бедному континенту, колыбели человеческой цивилизации, пришлось испытать на себе все прелести ядерного противостояния великих держав.

Над облаками чертятся, удаляясь от нас, огненные полосы этого самого «липового цвета». Через несколько секунд, если враг заметит, они начнут выбрасывать в стороны десятки обманных ловушек, и действительно станут похожи на цветы липы.

Это падающая десантная артиллерия. Жёстко приземлятся гроздь таких пушек в паре сотен километров от нашей цели, и начнут артподготовку. Потом смена позиции, и снова отработка по позициям.

А шутки про капитскую простуду и «липовый цвет» – это традиция. Все наступления начинаются с высадки артиллерии.

Я улыбнулся, отвечая:

– Вижу. Кипяточку надо бы, заварить.

Сосед похлопал по сиденью, выбрасывая в эфир хрипловатый смех:

– Сейчас эта дура подольёт кипятка, – он имел в виду крейсер, который потом прикроет с орбиты залпом орудий.

Снова посыпались шутки:

– Да капиты сами там кипятком обоссутся!

– Вон, у них даже прикрытия нет, никаких истребителей...

– Да, умники хороши, здорово рассчитали.

Я прикрыл глаза, откинув голову на подголовник. «Даже прикрытия нет»... Бедняги, из всех здесь присутствующих выживу только я.

Прекрасно помню эту вылазку. Это не капиты дураки были, а мы попали в ловушку. Самый крупный провал нашей разведки и триумф капитской контрразведки.

– Это «свисток», что ли?

Я открыл глаза. Десантник, сидящий напротив, тыкал в мою сторону пальцем, а в отражении его шлема виделся Тимофей Зайцев в хамелеоне, пристёгнутый «рамой безопасности», с упёртым в кресло Шам-Рифлом.

– Да хлам это капитский, – слышался ещё чей-то голос, – Чего, у нас пушек нормальных нет, что ли?

– Трофейная, – как обычно, соврал я, чтобы не было больше глупых вопросов.

А то начнётся сейчас про патриотизм, начинающийся с мелочей вроде «какую лапшу ты ешь на завтрак». Ещё пороху не нюхали, а уже лекции читать собираются. Мне и так замполит все мозги уже проел...

Этой перепрошитой винтовке было глубоко насрать, в голову капита она целится или в голову нашего федерала.

В эфире начался этот самый осуждающий разговор про «капитское говно», и я приглушил звук.

– Переделанный калибр? – слышался вопрос сбоку. Сосед бесцеремонно прокрался через пси-связь.

Я покачал головой:

– Не, она тогда теряет в точности. Но наши гонят неплохую подделку.

Сбоку мигнул свет – это собеседник осветлил стекло шлема. Я сделал то же самое, но старался лишний раз не смотреть на Гарика, так его звали.

Мы с Гариком хорошо подружимся в эту неделю – это просто замечательный, охрененный солдат Свободной Федерации. Грубоватый, невероятно пошлый, за словом в карман не полезет, но при этом весёлый и талантливый снайпер-псионик.

Был...

– Я наш предпочитаю, «Беломор», – сосед опустил на колени свою винтовку, – Надёжнее.

Она была хороша, и намного массивнее, чем мой «свисток». Больше всего мне нравились аккуратные рёбра тесла-генератора на стволе, который прошивал перед пулей плазменный канал на несколько десятков метров в воздухе для хорошего старта. Вот только этот разряд демаскировал так, что успеть поменять позицию не всегда удавалось.

– Беломор? – я усмехнулся, – Прикурить не просят?

Это тоже традиционная шутка, и сосед расплылся в улыбке, похлопывая по корпусу оружия:

– Постоянно, пачки на день не хватает. Капиты аж издалека машут, как завидят. Орут: «Курить хотим, аж жжёный псарь щиплет, дай «Беломор» ваш попробовать!» А я никогда не отказываю этим тварям.

– Курение убивает, – ответил я, и мы засмеялись.

Я слотнул, стараясь отогнать нахлынувшие чувства. В этот раз иллюзия, которую выбрал проклятый Вертун, была невероятно эмоциональной.

Что касается «Беломора», тогда мне это казалось странным выбором для нашего профиля работ, тем более, у Федерации есть винтовки гораздо более «аккуратные». «Прима», например...

Но ирония судьбы в том, что именно эта пушка и руки этого весельчака спасут мне жизнь внизу, в этой проклятой Африке.

– Я предпочитаю противников аккуратно убивать, без шума, – я приподнял и пристукнул прикладом «свистка» по сиденью, потом кивнул на винтовку соседа, – А не распылять их на атомы.

– Что есть, то есть! Убойность у Беломора убойная, – сосед расхохотался, – Дестра пробивает, чтоб твою псину!

Я тоже расплылся в улыбке и снова откинул голову на подголовник.

– Ага, пробивает... Если только «паук» отключит всю свою защиту.

– Это пусть умники думают.

Я поджал губы. Ага, умники...

Через несколько минут, когда наши близорукие умники скажут, что опасности нет, и ПВО противника подавлено, капсула отделится и понесётся вниз. Нашу не собьют, но это совсем не означает, что все, сидящие здесь, выживут. Лишь проживут чуть подольше.

– Чувствую я, будет весело, – продолжал вещать сосед-балагур, поглаживая винтовку, будто у него с ней были не только деловые отношения, – Мы с моей «белочкой» такого наворотим.

Вот ведь извращенец, как можно так сохнуть по своему оружию? Тем более, по «Беломору». То ли дело мой Шам-Рифл, «свистулька» родненькая – вот это я понимаю, любовь на всю жизнь!

– Гарик, – сосед протянул ладонь.

– Тимофей, – я пожал руку в ответ.

– Я тебя видел в Корпусе разок, ты там вроде как... – Гарик начал монолог, но я уже не слушал.

Закрыв глаза, я наслаждался моментом. Прекрасная иллюзия, и пока что это тёплые воспоминания... Чуть-чуть ещё, пожалуйста.

Через несколько секунд я вернусь в омут боли. В горы Святого Диофана, в тело мага огня, сгнившее от «порошка счастья». Буду пытаться довести это тело наркомана-зомби до усыпальницы и взломать защиту Рюревских, чтобы вытащить Василия.

Неужели силы зла думают, что психоника можно взять два раза на одном и том же?

– Тимоха, барбариску будешь? – сбоку снова показалась рука Гарика, – Командование ругается, лишней сахар, но я всё равно таскаю.

На ладони, обтянутой ячеистым плекси-кевларом, лежала красная карамелька. Вот и в прошлый раз, когда у меня случилась галлюцинация, мне предлагали сделать укол. А сейчас конфетой соблазняют.

Я взял, приподнял её перед глазами. Разжал пальцы, и красный полупрозрачный леденец закружился в невесомости перед стеклом шлема.

– Имплант чешется, – пробурчал сосед, – Плохо, когда он чешется, не к добру это.

Конечно, в моей душе зародились сомнения.

А вдруг всё, что случилось в мире с Пробоиной в небе – это галлюцинация? Может, мне это сегодня снилось?

Я закрыл глаза.

Маги, изрыгающие огонь, повелевающие ветром... Уму непостижимо, как они без имплантов работают, прогоняют через себя мегаватты грязной психоники, да ещё сражаются с чудовищами из Вертунов.

Богиня, которая таскается в мире смертных, ищет то, что мешает ей вырваться на свободу. И я, Последний Привратник, который должен чего-то закрыть.

Расскажи кому в Корпусе об этом, отправят ведь в медблок.

Конечно, меня мучили сомнения. Может, вот именно сейчас вокруг реальный мир? А воспоминания о мире Пробоины и вправду гаснут в мозге, затихают, словно вчерашний сон.

Просто положи сладкую конфету в рот, и ты останешься здесь, Тим. «Какую пилюлю ты выберешь, красную или синюю?» Всё, как в классике.

Можно вскочить, заорать всем «стоп», попытаться спасти людей. Передать командованию по пси-связи, что у меня было мощное видение, что я видел смерть нескольких тысяч бойцов и разрушение флагмана нашего космо-флота.

Быть может, я смогу пробить дубовую кожу этих толчковых псов в штабе? Может, истерика одного молодого псионика на борту десантной капсулы остановит операцию, обречённую на провал?

Я открыл глаза, снова разглядывая красный леденец, вращающийся перед лицом. Интуиция молчит, а у Гарика чешется имплант.

Помню, как я ржал над этой его приметой. Она не имела никакого отношения к псионике, к сверхспособностям мозга. Никакого излучения не чувствовалось, ничего.

Но все погибли...

– Умники эти, наши мега-мозги, – продолжал бубнить с конфетой за щекой Гарик, – Как думаешь, они такие же псионики, как и мы? Говорят, у них чакры больше башки...

Я пожал плечами:

– Не знаю.

Сам я думал про то, как же они лоханулись тут, в Африке. Потом я краем уха слышал, что, по данным разведки, именно здесь капиты впервые применили «невероятно мощного псионика». Этот менталист смог заглушить не только интуицию таких молодых псиоников, как мы с Гариком, но даже обманул умников в штабе.

Кстати, я не припомню, чтобы потом были такие глобальные воздействия. Но именно здесь, в Африке, капиты продемонстрировали мощь своей псионики, направленной на обман всей вражеской армии.

Даже наша верхушка потом не сможет толком рассказать, почему армия попёрлась атаковать богом забытую базу в Сахаре. Свободная Федерация, конечно, оправится после такого, и станет намного осторожнее...

У меня округлились глаза, и я вспомнил разговор с духами Рюревских. А может ли быть такое, что здесь и сейчас капитам кто-то демонстрирует возможности этой магии артефактов? Показали товар лицом, так сказать, и сразу выкрутили на максимум.

Псовая луна, это ведь реально так!

Я стиснул пальцы, сжав любимый «свисток» до скрипа. Мигнуло предупреждение от умного костюма, он не видел смысла разрушать чрезмерным усилием приклад собственного оружия.

– Я бар один знаю в Самаре. Ты был там? Девки – огонь, – рука в кевларовой перчатке показала палец, – Я надеюсь, ты ещё хомут-то не повесил на себя?

О, это был мой любимый момент:

– А ты что же, «белочке» изменяешь?! – я показал на винтовку.

– Ха-ха-ха, как смешно, – скривился Гарик, а потом всё же любовно погладил оружие, – Она одна у меня такая. Всегда готовая, сразу ложится в руки, и в смазке уже...

Я улыбнулся. Вот же пошляк, псовый ты хвост! У меня от некоторых его шуток и вправду уши вяли, но как же мне нравился его смелый юмор.

– Дружище, прости, – искренне сказал я, а потом, вытащив пистолет из набедренного отсека, навёл его на голову Гарика.

Взревела сирена, искусственный интеллект сразу взвёл насильно предохранители на всём оружии на борту. Но мы же псионики, и у нас всегда есть привилегии.

– Мы – Легион! – лицо друга, которого я буду знать всего неделю и буду помнить всю жизнь, исказилось от злости.

Все десантники хором крикнули вокруг:

– Легион!

– Да был я у вас, – проворчал я, – Кормят плохо.

Через мгновение я понял, что воспоминание, как моя пуля прошибает стекло шлема Гарика, может остаться со мной на всю жизнь. Но проснулся я за мгновение до того, как палец нажал на спуск...

– О-о-о, – омут боли никуда не делся.

Где-то на задворках разума дымились остатки сознания бывшего хозяина. Я впервые выдержал прямую схватку с Легионом, если это был он, и это не могло не радовать.

Я откинулся на спину, перехватил сломанную руку и рывком кое-как вправил её. Вообразил огонь, чтобы прижечь рану, и заорал, когда огня оказалось слишком много. В нос ударил запах палёной плоти, а сознание чуть снова не улетучилось на орбиту Земли.

Что с моим зрением? Видит только один глаз, а на месте второго запёкшаяся корка. Одноглазый и однорукий маг... Ну, здорово, Рюревские, подсобили так подсобили.

Тим, ты вообще молодцом держишься. Так быстро из иллюзии выскочил в этот раз, что аж самому нравится. А теперь, встаём, встаём...

Ага, сейчас. Только полежу немножко, отдышусь.

Я закашлялся, вдохнув полной грудью дым, которым всё заволочло вокруг. Да уж, было бы чем тут дышать.

– Жжёный ты псать! – опираясь на более-менее здоровую руку, я стал подниматься, но чуть не свалился снова.

Одна ступня отказывалась вставать прямо, заваливаясь на сломанный голеностоп. Да твою ж мать капитскую, что за инвалид мне достался?! Я ещё и одноногий!

Кое-как я сел, оглядывая обгоревшие лохмотья на ногах. Когда-то это было неплохим гвардейским мундиром.

– Защитить Перволунника, – в дыму совсем рядом стоял ещё солдат с магострелом наперевес.

Он ни в кого не целился, просто стоял, смотрел куда-то в дым. А магострел-то хорош, хоть и обычный, солдатский. Даже штык торчит.

Я провёл здоровой рукой по поясу, но ничего не нашёл. От карманов остались одни дыры. А, в Пробоину вас, будем по старинке!

Пошарив вокруг рукой, я нащупал увесистый булыжник, отвёл руку для замаха. Так, сейчас будет больно, Тим, но ты держись...

Камень свистнул, заехав прямо в висок бедняге. Тот свалился, и я, упав на локти, со стонами подполз к нему. Схватил магострел, и полез в карманы искать патроны. Да, есть ещё парочка.

Стоп...

– А-а-а! – я чуть не заорал от радости, вытянув обгоревший коробок с «вытяжкой», – Да ты ж мой хороший!

Вскрыв коробок, я закинул всё, что было, в рот. Половина таблеток была почерневшей, хрустела как уголь, но я даже не обращал внимания, а только грыз, грыз и грыз.

А потом откинулся на спину, рассматривая серую хмарь дыма. Ну, надеюсь, ещё не всё потеряно.

Вот так полежать, успокоиться, подлатать организм хотя бы до пределов разумного.

– Защитить Перволунника...

– Защитить...

Целый хор голосов послышался из дыма, и я задрал голову, повинуюсь интуиции. Качающиеся в дымке силуэты сдвигались в мою сторону.

Кажется, местные догадались, что в их рядах завёлся идейный предатель зомби-движения...

Глава 3. Обгоревший

Я притих, закинув винтовку на грудь трупу, вжал голову в плечи. Тени и силуэты бороздили дымку вокруг, нашёптывая свою мантру о Перволуннике, и, казалось, даже не обращали на меня внимания.

Но я вспоминал свою дорогу по горам с Вячеславом Ключевцем, и понимал, насколько обманчиво первое впечатление. Зомби были взбудоражены, и точно знали, что я где-то здесь.

Лишний. Опасный. Не согласный с Легионом...

Вот такая ирония получалась. Этот самый Легион, возомнивший себя победителем богов, был таким разным: в чьих-то телах сильный, могучий, сворачивающий горы, а где-то, как здесь, в горах – тупой и безмозглый.

А чернолунники молодцы. Поставили Легион себе на службу, создав заслон из таких вот «охранников», заполонивших горы Святого Диофана.

Я покосился на часовню, которая показалась в разрыве дыма. Серая, мрачная, изрыгающая мегатонны грязной и вонючей псионики в эфир.

Там, внутри, бесновался проклятый Вертун, давно протухший и потерявший связь со своей Луной. В прошлый раз, под Межедаром, мне после битвы в подсознании удалось закрыть такой, хоть это и вызвало большие разрушения.

Но это было в теле Василия, которому суждено стать Последним Привратником. Здесь так не получится. Теперь, попутешествовав по телам, я понимал, что с дрищом у меня особая связь.

Наши с ним сознания будто входили в резонанс. Или его тело с моим разумом, без разницы, но именно в теле Василия, несмотря на магию Вето, я чувствовал, что у меня всё под контролем, и потенциал просто огромен. Может, действительно, потому и заткнули кирпичом чакру, чтоб я не разорвал неготовый к такому делу организм раньше времени.

А здесь, у этого гвардейца как?

Здесь всё перекручено, будто засунули ментальный мега-венчик в душу, и перебултыкали все чакры вместе с энерго-контурками. Присыпали это всё «порошком счастья», добавили щепотку Легиона, и потомили в блуждающем Пульсаре для надёжности.

И теперь мне предлагают работать с этим блёванным винегретом...

Эх, глаза бы закрыть, так намного легче работать с псионикой и восстанавливать тело. Но приходится рыскать взглядом по качающимся в нескольких шагах силуэтам, гадая, какой из них сейчас сорвётся в атаку. Если бы это были не зомби, а долбанные капиты, я был бы уже обречён.

А вытяжка работала. Она не могла повлиять на скрученные энерго-контурки, но мышцы и плоть, неприятно покалывая, заживали с удивительной скоростью. Даже сломанная рука уже схватилась...

Эх, если Незримая задаст вопрос, что же мне надо будет в награду, надо будет попросить рецепт этих таблеток. С такой химией солдаты Свободной Федерации станут непобедимы.

Интересно, а капиты не получили уже такую хрень от своих таинственных союзников?

Движение сбоку заставило меня откатиться быстрее, чем я повернул голову. По земле ударил клинок, высекая искры, но я уже вскинул винтовку, нажимая на спуск. Солдат, получив пулю в шею, кувыркнулся назад, взбрыкнул ногами и воткнулся затылком в землю.

Я, оставшись на лопатках, стал быстро отползать от места стычки. Отталкиваясь ногами и ёрзая спиной по острым камням, я пытался перезарядить винтовку, но пальцы, покрытые коростой ожогов, плохо слушались.

Грохнул выстрел, и пуля воткнулась совсем рядом с моей головой, окропив мне лицо крошками.

– Вашу псину! – я зажмурился от пыли, попавшей в единственный видящий глаз.

За миг до этого я успел заметить надвигающийся из дыма силуэт, поэтому интуитивно выставил магострел вперёд, принимая удар на штык. Заскрипела сталь, я заученным движением воткнул ногу по голени противника, чуть сдвинулся вбок и довершил приём ударом штыка вверх.

Противник навалился на магострел всем весом, и мой перелом в руке снова треснул. Я хапнул горелого воздуха от нахлынувшей боли, и тут же в лицо брызнула кровь, попав в горло и в многострадальный глаз.

Я закашлялся, не успев среагировать, и противник свалился на меня окончательно. Моё сознание плавало где-то на задворках, я попытался перехватить зажатый магострел, чтобы им столкнуть груз, но тут хрипящее тело зашевелилось, и через мгновение грязные руки ухватились за мою шею.

– Жжёный... – прохрипел я, пытаюсь ударом магострела сбить захват с шеи.

Не получилось, но зазвучали ещё выстрелы, и противник, дёрнувшись, свалился на меня и затих. Звуки входящих в его тело пуль заставили меня сжаться в позе эмбриона, и я теперь пытался прикрыться трупом, как щитом, прижимая его к себе.

– А-а-а-а! – я орал всё время, пока разряжались в нас стоящие в дыму солдаты.

Мёртвый гвардеец надо мной дёргался от попаданий, за шиворот летели осколки от разлетающихся камней. Пули втыкались в землю совсем рядом, а мне не оставалось больше ничего, кроме как орать.

Но вдруг наступила тишина, в которой зашуршали руки и заскрипели затворы магострелов – зомби-солдаты, недолго думая, просто перезаряжались. Я же лежал, чувствуя горячую кровь, льющуюся на меня из продырявленного тела гвардейца, и не верил своему счастью.

Да вы ж косые, как капитские штурмовики!

Понимая, что следующий залп не выдержу, я сбросил с себя труп и, повернувшись на живот, пополз. Магострел остался где-то позади, рука адски болела, но я продолжал двигаться, повинуюсь чисто интуиции.

Я привстал на корточки, но сломанный голеностоп тоже взорвался болью. Вашу мать зомбьячью, побежать не смогу.

Тут интуиция сказала мне, что всё... Перезарядились. В довершение одиноко щёлкнул в тишине последний затвор казённого.

– Защитить Перволюнника...

– Ах вы ж псы толчковые, – я сел и раскинул руки, решив: «Пошло оно всё капитским лесом!»

Маг я или тварь дрожащая?! Где вы, пирусные пули? Когда я был Василием, я так ловко это делал...

Грохнули выстрелы, и я, стиснув зубы, попытался перехватить всё, что попало в действие моего энерго-поля. На миг прочертились в воздухе трассеры, загибаясь в стороны от моего давления, и земля вокруг меня выплюнула клубы пыли.

– А-а-а! – я упал, всё же подбитый в плечо.

Дырявая вышла защита, в одной точке энерго-контуры не замкнулись, и пуля нашла-таки лазейку. Но я сразу шлёпнул ладонью по плечу, прижигая рану, и охая от боли сразу и в плече, и в сломанной руке.

Начало было положено. Резкий выброс псионики насильно выпрямил основные каналы в этом теле, и мне удалось явственно увидеть три здоровенные, умело натренированные нижние чакры.

Красные, изрыгающие пламя, словно звёзды в космосе. Это пламя рвалось через повреждённые контуры, постепенно уничтожая своё же тело – вот что бывает, когда разум не контролирует магию.

Чувство огня переполняло меня, и я, откинувшись затылком на острый камень, с трудом смог перехватить контроль над стихией. Ох, луна моя псовая, как же много силы! Это был Маг Первого Дня, магистр, и когда-то он чуть не стал магом Второго....

Да, если у Василия потенциал ещё больше, то нас ждёт весёлое будущее.

Дым надо мной неожиданно рассеялся, открыв в чистом небе Пробоину. И я почувал чуть более чистый поток стихии оттуда – Красная Луна ещё не вышла, но я словно вторым зрением увидел её отсвет.

Снова щёлкнули затворы. Я тут же отнял ладонь от плеча, развёл руки в стороны. Ощутил всю стихию вокруг, и пришлось даже уменьшить напор – меня коснулась сила проклятого Вертуна, спрятанного в часовне. Злоупотреблять его энергией я не хотел, она быстрее разрушала организм, а мне ещё до усыпальницы тащиться.

– Защитить... – начали было зомби, но я рывкнул:

– Давайте уже!

Грохнули выстрелы, и в этот раз всё вышло даже ещё лучше. Все пули вошли в моё поле и обогнули антигравитационную линзу, в которой я спрятал своё тело. Мне даже удалось направить несколько пуль по удачным траекториям, и некоторые солдаты молча упали.

– А теперь моя очередь, – я сел, старательно удерживая концентрацию.

Сила так и била из чакр, надрывая контуры, мне с трудом удавалось отфильтровывать поток от грязного проклятого Вертуна. Хорошо хоть, что Луна возвращалась, и слабые отголоски её энергии казались глотком свежего воздуха.

Я встал, осторожно опираясь на повреждённый голеностоп. Ничего, терпимо.

Повёл рукой в сторону... С ладони сорвался шар и унёсся в один из силуэтов. И в другую сторону точно так же.

Раздались быстрые шаги по камням, один побежал ко мне, но упал к моим пяткам, дымя обугленным обрубком шеи. Другой успел подскочить сбоку, и я перехватил штык магострела у своей головы.

Винтовка вспыхнула, и я, толкнув солдата в грудь, отбросил его волной огня. О, да, сила впечатляла, но меня не покидало ощущение, что если чуть-чуть прибавлю, то уже не смогу восстановить это тело.

Их тут было всего около десяти.

Через минуту я стоял, окружённый дымящимися трупами, и стряхивал огонь с рукава. Бывает, переборщил чутка, себя чуть не сжёг.

К счастью, вытяжка продолжала делать своё дело, и я уже не чувствовал себя, как остывший шашлык. На ногу можно было наступать, но хромал я сильно, суставы срослись не так, как надо. Да и видел я всё так же одним глазом.

Кое-как оттерев от грязи единственный глаз, я посмотрел наверх и козырнул, салютуя красному отсвету в Пробоине.

– Здравия желаю, – усмехнулся я, – Мы вас ждали...

Возле усыпальницы я был где-то через час. Пришлось торопиться, и я едва не скакал, опираясь на подобранный магострел, ведь сначала надо было подняться к перевалу, а потом спуститься по ущелью ко входу в гробницу.

Это путешествие вошло бы в мой золотой фонд превозмоганий – нога при каждом шаге грозила надломиться, да и рука, которую я примотал к туловищу чужой курткой, нещадно просила просто прилечь и отдохнуть. Но я шёл и шёл, не жалея тела, потому что не намеревался в нём долго оставаться.

Я остановился у подножия, подойдя к обломкам огромной статуи. Да, здорово здесь шархануло – следы моего неудачного взлома было прекрасно видно на ступенях, колоннах и

больших валунах. Чёрные следы копати располосовали всё по ходу движения огненной волны, словно какой-то грязный трубочист чихнул пеплом из усыпальницы.

Четвёртая колонна, которая и до этого была повреждена, обвалилась, и часть козырька рухнула вместе с остатками статуй на них. Вход это не закрыло, но трещины на оставшихся трёх столбах намекали, что ещё одного неудачного взлома они не выдержат.

Я постоял полминуты, опираясь на приклад магострела и согнувшись от ноющей боли в каждой клеточке организма. Кроме физической боли добавилась теперь усталость, и тело просило отдыха.

А вот интуиция подсказывала, что времени не то, что нет, а его уже не хватает. Я всмотрелся вперёд, в долину, за которой скрывался осаждённый Храм Перволунника. Бедный глаз не хотел фокусироваться, и я так ничего и не увидел – размытый горизонт просто заволокло дымом, даже вершины гор возле Храма не было видно.

Я поднял голову, крикнул:

– Рюревские!

Тишина... Да чтоб вас, духи сраные! Когда нужны, хрен дозовёшься!

Стоп, я же был тогда в теле оракула, Стража Духов. Он же этот, спец по духам, поэтому я и слышал их. И Василия наверняка тоже слышал именно поэтому.

Кстати, что с тем оракулом?

Я завертел головой, пытаюсь примерно представить, какая могла быть траектория полёта у тела, сбитого волной огня из усыпальницы. Вроде я тогда прикрылся артефактами – может, ещё можно использовать его? Ведь в нём остались те душонки Легиона, и оракул мог вполне выжить. Можно заскочить, поговорить, и выйти.

Ругаясь на долбанную ногу, я запрыгал вокруг обломков, пытаюсь найти тело. Тут нету... Так, а если там?

Я проскакал, как бешеный. Тоже нету.

Один из камней, похожий на отломанную ладонь, словно приглашал взобраться на него и посмотреть сверху. Я поставил магострел, упал грудью на выступ, со стонами кое-как забрался.

Поднялся повыше и, опираясь на торчащий вверх каменный палец, стал оглядывать округу. Где же ты, оракульский пёс? Неужели сбежал?

Я замер, снова глянув на долину.

Да твою ж псину! В этот раз глаз удачно сфокусировался, и в долине на фоне серой каменной пустоши я увидел мелкие, словно муравьи, точки, которые размеренно двигались от Храма Первого Полнолуния в мою сторону. Отсюда плохо было видно цвета формы, но в авангарде точно шли красные мундиры.

Царская Армия, чтоб вас Пробоина сожрала! Как же вы не вовремя.

Я поднял голову. В Пробоине уже показался краешек Красной Луны... Ну, одно радует – очередная Луна вернулась, а значит, Последние Времена ещё не начались. Апокалипсис отменяется.

Шестое чувство заставило меня пригнуться, и тут же над головой в каменный палец влетела пуля, обрызгав меня осколками. Ух ты ж, глазастые какие!

Я кувыркнулся назад, слетел с выступа... и прямо на больную ногу. Мой дикий рёв, наверное, всех Рюревских духов распугал.

– Капита мне в душу, – завыл я, снова хватая магострел и громоздясь на него, как на костыль, – Да что ж за день-то такой?!

Уже особо не разбирая дороги, я, как трёхногий племенной жеребец, поскакал по ступеням вверх. Если сюда придёт Царь собственной персоной, то оборванному гвардейцу с Иным внутри точно несдобровать. А в теле Василия ещё будет, что обсудить.

Я огибал огромный валун, как вдруг обо что-то споткнулся:

– Твою мать! – заорал я, снова разбредив неудачно руку, но замолк, увидев помеху.

Это был оракул. Точнее, то, что от него осталось. Закоптившиеся голова и плечи, руки прикрывают лицо. В одной руке пучок обгоревших медальонов-артефактов, и она самая целая, вторая же почти отвалилась, оголившись до кости в районе от локтя до плеча. Всё туловище ниже груди просто отгорело, и на валуне осталась лёгкая тень-силуэт от таза и ног.

– Жжёный пёс сегодня в ударе, – проворчал я, поднимаясь на корточки, и злобно хмыкнул, – Вот видишь, что бывает, когда имплант перегреваешь?

Да, воспользоваться этим телом, чтобы поговорить с духами, явно не получится. Я уже собирался скакать дальше по ступеням, но меня что-то вдруг привлекло в почерневших пальцах второй руки. Ещё не веря своим глазам, я выцарапал из окоченевшей хватки трупа створенный коробок «вытяжки», и потряс над ладонью, куда упали три уголька, у одного из которых ещё белела боковинка.

– Спасибо, – я вкинул активированный уголь в рот и, похлопав оракула по уцелевшему плечу, встал и пошёл дальше.

Нахлынуло небольшое облегчение, «вытяжка» сразу начала действовать, и я прибавил шагу. Ствол магострела звенел о ступени, жалобно ругаясь на меня за такое отношение к оружию.

Я влетел на самую верхнюю ступень и сразу же обернулся. По ущелью уже скакали несколько магов-всадников, запалив огненные копья над головой. Вау, такого ещё не видел!

Мне сначала пришла мысль, что далековато для броска-то. Даже если они чемпионы по метанию, то... Додумать мысль я не успел. Твою ж псину, Тим, это – Маги!

Копья сорвались с рук всадников и полетели в мою сторону, стремительной молнией пронёсшись над обломками и ступенями. Я вскинул руку, не придумав ничего лучше, чем попробовать повернуть такой же приём, как и с пулями...

Несколько отклонились, но с трудом, а одно, самое массивное, так вообще влетело прямо в меня. Я успел в последний момент прикрыться прикладом магострела, как удар снёс меня с ног и, подбросив, толкнул прямо за границу действия защитной магии.

С одной стороны, это спасло меня, потому что копье сразу же погасло, как только прочертило границу заклинания. А с другой стороны, я, упав на пол, почувствовал, как он завибрировал.

Ещё не оправившись от удара, я поднял руки, с удивлением увидев, что от магострела остался только кончик отгоревшего ствола. Ах ты ж пёс толчковый, нельзя так с оружием.

Я перевернулся на живот, вытаращился в темноту под аркой-входом. Тени там заиграли красными всполохами, гул и вибрация усилились.

Что делать, что делать? Что делать-то?!

– Вася, я за тобой пришёл, – рявкнул я, отталкиваясь от пола и плюхаясь на пятую точку.

Волна огня уже шла по коридору, когда я вскинул руки навстречу. Я не знал, что должен был делать, но сейчас мне казалось единственно верным попробовать перебороть мощь того мага, который ставил заклинание.

В этот короткий миг я пытался вспомнить, чему же нас учили в Академии Маловратска про магов и ранги, которыми они отличаются...

Утренние маги, начинающие, только открывают магию, ищут свой канал, определяют стихию.

Полуденные, осознав свою принадлежность, работают с первой чакрой. Ищут её, учатся видеть, развивают канал энергии. Они могут пользоваться стихией столько, сколько позволяет проходимость их чакры.

Вечерние – они открывают уже вторую чакру, расширяют канал, и могут черпать больше силы.

Маг Первого Дня открывает все три нижние чакры стихии, его канал полностью открыт. Он может использовать столько силы, сколько есть вокруг, и рядом с Вертунами или в моменты лунных колебаний они непобедимы.

Следующий ранг, Маг Второго Дня, может копить эту силу, аккумулируя большие её запасы в теле. И, по сути, отличается от Мага Первого Дня именно этой мелочью, которая, кстати, позволяет выучить гораздо более мощные заклинания.

Я до этого встречал потоки псионики от разных магов, и мог понять, какого ранга маг передо мной. Та волна, которая шла на меня, была гораздо выше Мага Первого Дня...

Огонь ревел передо мной, закручиваясь в огромный шар и выплёвывая протуберанцы. Поток пламени из арки встречался с потоком из моего тела в десятке шагов впереди, и закручивался, гудел, рвался во все стороны, опалая колонны и козырёк.

Вот только шар огня медленно но верно двигался в мою сторону...

Я применил все свои знания, все умения, полученные в Корпусе Псионика, в Восточной Академии Маловратска, и в гробнице Борзовых. Я собрал энергию, оставшуюся в теле. Собрал энергию, которую давала выходящая Красная Луна, и витающие в воздухе потоки далёкого Вертуна.

Прогнал стихию через все три чакры, открыв канал полностью. Никаких приёмов, плетений, или хитромудрых заклинаний – просто волна энергии, на выходе превращающаяся в огонь.

И этот огонь ревел передо мной, опалая своим жаром моё же обожжённое лицо, и не давая мне вдохнуть – кислород сразу же пропал, одна только гарь вокруг.

Я стиснул зубы... Вашу же Луну! Такого жжёного пса я ещё не видел.

Энерго-контуры, надорванные «порошком счастья» и блуждающими Пульсарам, затрещали от невообразимого давления, и до меня дошло, что защиту тут ставили даже не Маги Второго Дня. Рюревские, вы совсем там, что ли, свихнулись?!

Прикрыв единственный глаз, я прибавил ещё потока, понимая, что теперь процесс необратим. Энерго-контуры сразу же испарились, превратившись в чистый поток огня, и пламя стало оплетать все чакры, перекидываясь с нижних на верхние, которые этот маг даже не думал развивать.

Нельзя резко поднимать свой ранг. Сейчас огонь перейдёт с астрального плана на физический, и я воспламенюсь.

Я открыл глаза... Нет, не получилось сдвинуть поток.

Огненная стена крутилась уже в метре, приближаясь, и я почувал, как лопается кожа от испепеляющего жара. Вспыхнули остатки одежды, загорелась кожа, одновременно внутри меня раскалились пищевод и лёгкие, и, задрвав голову, я закричал.

Красная Луна вышла из Пробоины и смотрела на всё это, словно насмехаясь. Тут огонь поглотил небеса, и я подумал, что пора спасти сознание в коконе, но, едва его свернул, как скорлупа моего убежища треснула, и сквозь щели стало пробиваться пламя.

– Да чтоб тебя... – с лёгкой обидой вырвалось у меня.

Огонь был везде, на всех планах. Астральный, ментальный, физический... Это был такой огонь, от которого не спастись нигде, и я понял, что именно в этот момент псионику Свободной Федерации, Тимофею Зайцеву, пришёл конец.

Ну вот, Тим, и на твой хвалённый кокон нашлись клыки...

Скорлупа треснула в одном месте, вылезли струйки пламени, и я приготовился к смерти. Но перед этим с удивлением уставился на руку, вдруг пробившуюся сквозь трещину и протягивающую пальцы ко мне, словно хотела спасти.

Капитская совесть, что за хрень?!

Глава 4. Беспомощный

Я попытался открыть глаза, и вдруг съёжился от охватившего всё тело нестерпимого жара. Казалось, что всё, сейчас слезет кожа и муки начнутся по новому кругу, но вдруг боль от ожогов исчезла, оставив лишь фантомное напоминание.

Ясно, это отголоски ещё от того тела... Бедный маг, от него, скорее всего, даже останков не останется.

Не успел я с облегчением выдохнуть, как пришла другая боль. Сломанные и неправильно сросшиеся кости, внутреннее кровотечение, порванные мышцы...

Твою же псину, Василий, что с тобой наделали?!

Ответ от парня был слабым, на грани чувствительности, но я расплылся в улыбке, почуяв его. Треснули разбитые в кровь губы. Сволочи, столько дней он здесь провёл, и никто даже не попытался его исцелить.

– Ох-х, – простонал я, всё же открыв глаза и рассматривая искусную мозаику на полукруглом своде.

В центре свода ярко красные кусочки изображали или Вертун, или Красную Луну. От центра во все стороны разбежались угольки и вывертыши, и в тех местах, где свод подпирался массивными пристенными столбами, древние мастера поместили магов.

Получалось, что Рюревские огняши, а это могли быть только они, непоколебимым строем встречали полчища монстров, спускающихся сверху, и не давали приблизиться к земле.

Там, где свод подпирался, по всему залу шёл выступающий из стены тонкий акведук, из которого выбивались нежные язычки пламени. Получалось, что огонь был будто бы под ногами магов, и освещал весь свод, бросая на мозаику всполохи и вызывая интересные эффекты.

То ли оптическая игра света, то ли магические свойства мозаики, но то и дело казалось, что Вертун в самой верхушке потолка вертится, изрыгая пламя. Шкура угольков, сбегаящих вниз по своду, будто искрила, а Вывертыши и вправду кружились, будто огненные смерчи.

С рук магов тоже будто срывалось пламя, и вообще вся картина была прекрасна и величественна. Наверняка так и задумывали архитекторы, построившие это место. То, что это усыпальница Рюревских, было ясно сразу.

Я бы наслаждался видом прекрасного потолка, но синхронизация с телом шла всё лучше, и градус боли повышался с каждой секундой. Да грёбанная Пробоина, что ж за день-то такой?!

Тренированным усилием бросив внимание внутрь, я быстро просканировал все энергоконтуры, и с некоторым облегчением расслабился. В сравнение с тем магом, в котором мне посчастливилось побыть пару часов, здесь хоть есть с чем работать.

Да, чакры и энергоконтуры выглядели так, будто по ним астральный Мамай прошёлся, но их можно было выправить. Правда, это будет долгая медитация, и сил уйдёт немеряно, но необратимых повреждений я не заметил.

Судя по искажениям контуров, внутри Василия произошла какая-то битва между разумами. Последний раз, когда я его оставил, Одержимый управлял телом. Видимо, этого самого Одержимого и выжгли...

Скорее всего, это сделал Страж Душ. В любом случае, это был сильный оракул.

Стоп, а хозяин тела?!

– Василий, – просипел я.

Ссохшаяся корка на губах больно порвалась, но на фоне общего состояния я этого даже не заметил. Твою псину, Вася, отвечай! Если ты погиб, убью, дрищ несчастный.

В ответ прилетел слабый отголосок эмоций, что-то вроде вымученной улыбки, и я снова расплылся в улыбке. Живём, толчковый ты пёс!

Так, Васёк, не дрейфить. Сейчас я тут со всем разберусь... только надо хотя бы разобраться, в чём именно надо разбираться.

Вася отозвался эмоцией радости.

Я попробовал двинуть рукой, и понял, что на физическом плане всё обстояло гораздо хуже, и без целителя-костоправа тут обойтись было нельзя.

Правая нога сломана в двух местах, да так и срослась. Левая вроде ничего... Обе руки зажали, но их снова придётся ломать и вправлять. Рёбра так вообще, при каждом вздохе я будто что-то цепляю внутри.

Вот же жжённый псарь, подкрался, откуда не ждали...

– Так, – я прикрыл глаза, намереваясь немного сдвинуть сознание, чтобы поговорить с Василием.

И чуть не вылетел из тела, с ходу не рассчитав. Сознание тут же сорвалось в кокон, и несколько секунд я там охреневал от того, насколько утерять навыки. Потом я осторожно вернул сознание в реальный мир.

От Василия прилетел странный букет эмоций. Что-то типа предупреждения, будто хотел о чём-то рассказать.

– Сейчас, псарь толчковый, поболтаем ещё, – успокаивающе сказал я, и попробовал ещё.

Всего лишь чуть-чуть сместить сознание, отодвинуть, так сказать, от пульта управления телом. Тогда Василий тоже сможет получить доступ к речевому аппарату...

Да чтоб тебя! Я снова не удержался и, словно поскользнувшись на тонком астральном льду, снова улетел в кокон.

– Не понял, – вырвало у меня.

Что за хрень тут происходит? Ну да, с телом нелады, с внутренними контурами работать и работать, но я же псионик Свободной Федерации. Вашу мать, я не мог вот так сразу всё забыть, чтобы действовать, как зелёный новичок.

Снова я вернулся в тело. Подождал пару минут, до полной синхронизации.

От Василия прилетела эмоция осторожности. Да, да, понял, повторять пока не буду.

Успокоившись, как следует, я прикрыл глаза, пытаюсь понять, почему не получается. Боль отвлекала, но на то мы и псионики, чтобы работать в полевых... кхм... в болевых условиях.

Вообще, если вспомнить ощущения, то здесь присутствовал какой-то лёгкий флёр псионики, вызывающий неприятные воспоминания. Что-то такое, что я встречал совсем недавно...

Времени у нас полно, попробуем тогда поработать с псионикой, залечить душевные раны.

И тут меня ждал облом. Во-первых, горло зажгло невыносимой жадой, и я понял, что Василий очень давно не пил. И это очень сильно отвлекало.

А во-вторых, какие-то помехи... Я пытался концентрироваться, чтобы начать работу с контурами, но сбоку будто поддувал ветер, отбрасывая моё внимание в сторону.

Ощущение, будто за плечо кто-то схватил и ждёт, когда я сосредоточусь. Как только начинаю, так сразу меня встряхивают. Не пойму, что за хрень здесь творится?

Я открыл глаза. Прикусив губу, попробовал повернуть голову, чтобы оглядеться.

Шея не была сломана, но по ней явно заехали несколько раз, и отбитые мышцы дарили непередаваемые ощущения. И так, по сантиметру в несколько секунд, с остановками на передышку, я смог рассмотреть не только потолок.

Зал был круглым, и между каждой колонной, наполовину утопленной в стену, высились стеллажи с урнами. Полки отливали позолотой, и каждый сосуд искрился драгоценным блеском – от количества инкрустированных камней рябило в глазах.

Наверняка в этих вазах прах всех Рюревских, начиная от каких-нибудь особо древних аборигенов, впервые взявших в руки пирусную дубинку.

По всему помещению тут и там стояли высокие подставки, на верхушке которых лежали золотые чаши. Они курились лёгкой дымкой, иногда из них вырывалось пламя, но судя по потоку стихии, эти факела давно пора было подзарядить.

Сам я лежал на какой-то алтарной плите, рядом с округлым каменным строением в центре зала. Массивная каменная плита подо мной была отполирована, отливала огненным золотом, и дышала теплом, несвойственным камню, словно в его толще проложили отопление.

Полусфера высотой около полутора метров в центре зала напоминала домик какого-то сказочного гнома, потому что сбоку была прорезана маленькая деревянная дверца. В остальном полусфера ничем не выделялась, даже камень не был инкрустирован, а кое-где и грубо обтёсан.

Единственным украшением был поднос с горящими свечами, лежащий на самой верхушке этого каменного иглу, и снизу вокруг строения в специальной канавке горело магическое пламя, такое же, как под потолком.

Во всё богатом убранстве зала эта полусфера резко выделялась, цепляя взгляд. А глядя на дверцу, я сразу вспомнил такую же в усыпальнице Борзовых, за которой они прятали свою секретную технику Пса. Тем более энергия, тонко веющая от строения, сразу намекала, что уровень защиты у неё даже повыше будет, чем у всей гробницы в целом.

Но не только это...

Мой взгляд вернулся к подносу со свечами. Их высота была подобрана так, что они стояли пирамидкой. Самая длинная свеча в центре, самые короткие по краям. Красиво светят, чуть-чуть только искрят, причём иногда неожиданными цветами.

Вот только капитская это красота, прямо чую. Это ведь не украшение.

Помнится, в темнице оракул притащил с собой такую же свечу, и души Легиона орали от её света, как недорезанные. А тут целую люстру водрузили прямо в центр усыпальницы.

Несколько секунд я тарасился на свечи, понимая, что это и есть, скорее всего, тот артефакт, на который жаловались духи Рюревских. Перволюнник вроде как выгнал их из собственной гробницы.

Потом меня кольнуло озарение. А не может ли этот артефакт мешать и моей работе с тонкой псионикой?

Ну, ладно... Я вспомнил, как легко удавалось работать с огнём в теле мага. Вроде бы, у меня и с Василием были успехи, но такой мощи достигнуть не удавалось.

– Ох, – я двинул рукой.

Я был не только изранен, но и все мышцы были затёкшими, словно Василий всё это время тут даже не двигался. От парня прилетел ответ, побудивший меня снова прислушаться к магическому эфиру.

Нет, не разберу, слишком тонкая работа. Но вроде как проблема всё равно исходит от этих же свечей.

Ладно, продолжаем. Мышцы покалывали миллион иголок, тело совсем не хотело двигаться, но спустя полминуты я наконец-то выставил ладонь в сторону подноса.

Так, что мы там делали? Накачивали энергию через нижние чакры, прогоняли по контурам...

Магия завертелась, закрутилась, но так и забуксовала у кирпича во второй чакре. Грёбанное Вето!

Ну, спасибо, Эвелина, за поставленный блок. Вот что получается, когда за планирование божественных замыслов берётся женщина – ты, Привратник, меня спасай, но у тебя будут ограничения. А ещё я тебе палки в колёса буду вставлять, и вообще, легко не будет, муж мой любимый...

Мысли об Избраннице немного согрели, и я попытался ещё раз выпустить с ладони хотя бы искорку.

Делов-то, метнуть шар и сбить поднос с верхушки. Ну, ещё разок.

Да, не заводится магия. Я пока всё так же ограничен – прекрасно чувствую стихию вокруг, ощущаю огонь, горящий в акведуке под потолком и в канавке вокруг полусфер, и тлеющий в чашах-факелах. Отзываются тысячи драгоценных пирусных камней, и мозаика на потолке отвечает какой-то магической примесью.

Здесь всё пропитано магией, я чувствую её, как вторую кожу. Если в меня кто-то выстрелит из магострела пирусной пулей, легко выправлю полёт, изменив магическое притяжение тела.

А сбить грёбанный поднос я не могу, вашу псину! Я ещё и ещё подёргал рукой, покривлялся пальцами... Ну же!

Нет, ничего. Стихия очень хочет сорваться, но не хватает простых человеческих сил.

– Да чтоб вас, Рюревских, – проворчал я, пытаюсь двинуться.

Вот ведь какая ирония... Магу, который может стать самым великим в истории этого мира, нужно просто дотянуться до вещи, которая мешает. И попробуй сделай это, когда всё тело – одна большая гематома.

Я всё же смог сдвинуться, перекинул руку в одну сторону, туда же ногу. Напрягся и, застонав на весь зал, лёг на бок. Ещё усилие, и вот я уже на животе...

Прекрасно! Настоящее достижение для Последнего Привратника – смог перевернуться на живот. Чтоб вас, Рюревских, вместе со всеми вашими интригами...

Кстати, чего-то Царь там задерживается. Я непроизвольно поднял голову, посмотрел по сторонам. А где выход-то?

Каменная сфера с яркими свечами на вершине закрывала обзор, но, судя по богатой лепнине на стене между колоннами с той стороны, украшающей арку, выход был там.

Ну, не идёт и не идёт. Что мне, ждуть его, что ли?

Я подтянулся к краю плиты, посмотрел вниз. Да тут высота-то меньше метра... Со вздохом я положил щёку на край, отдыхая. Всё равно высоко.

Перволунник не дурак, и наверняка ещё как-то подстраховался, чтобы не допустить Царя в усыпальницу. Личная гвардия – это, конечно, хорошо, но магия всё же надёжней. Поэтому Царь, может, и рад бы войти, но какое-нибудь страшное заклинание чернолунников не даёт.

Мои губы сами растянулись в улыбке. Я-то прошёл! А вы, псы толчковые, не можете. А Тим Зайцев прошёл!

Погиб, правда, но это всё мелочи...

Так, хватит отдыхать. Я попытался свесить ногу, чтобы дотянуться до пола. Как назло, нога правая, та самая, поломанная. Многочисленные синяки и место перелома сразу же завыли, пытаюсь выбить меня в обморок.

Терпим, Вася, терпим. Духи Рюревских терпели, и мы потерпим.

Я всё пытался поставить ногу на пол:

– Ну, ну... Твою ж ма-а-а!... – полированная плита оказалась слишком скользкой, и я рухнул на пол.

Мой крик эхом отозвался по всей усыпальнице. Я лежал некоторое время, жалобно воя на жестокую судьбу. Да чтоб эти горы Диофана в Последние Времена сравняли с землёй!

Как я сюда пришёл, у меня не было часа, чтобы что-нибудь не болело. Сожри меня Чёрная Луна, как же достало...

Минут пять я всё пытался собраться, валяясь, как мешок с костями, возле алтарной плиты. Потом, опираясь на локти, я предпринял титаническое усилие, и сел, уперевшись спиной в алтарь.

– Живём, Вася, – прохрипел я и закинул руки вверх, словно на спинку дивана.

Больно, мучительно, просто невыносимо. Но ныть по каждому поводу у меня тоже не было сил, и надо было решать проблему как можно скорее.

– Давай, дава-а-а-ай!

Подобрав под себя ноги, я стал их разгибать, одновременно вытягивая тело руками. Вот ягодицы перетекли через край плиты, и всё же смог водрузить себя обратно на алтарь, но теперь в сидячем положении.

– Во-о-о, как будто так и задумывал! – усмехнулся я, хрипя от одышки.

Я осторожно убрал руки, надеясь, что не потеряю равновесие. Сижу...

Тихонько похлопал себя по груди, судорожно ощупал лицо пальцами. Сплошная болячка.

Но всё же какое это невероятное ощущение – я снова чую потоки псионики, рассекающие пространство. В телах оракула и мага огня это чувство было притуплено, и тогда я чувал магический мир, словно через заложенный насморком нос.

Да, свечи на подносе мешали, но в другом теле я бы даже не почувал этого, и не понял бы, в чём помеха.

– Василий, – прошептал я.

Он сразу же отозвался, прислав мне букет эмоций из радости и надежды.

– Сейчас разберёмся, – хмыкнул я и, напрягшись, подтолкнул себя вперёд, вставая на ноги.

Раскинул руки для равновесия, и постоял так несколько секунд. Ноги не хотели двигаться, неправильно сросшийся перелом орал благим матом, но я стоял.

Свершилось! Тим Зайцев – хомо эректус, человек прямоходящий!

– Всё, надоело, – с этими словами, сильно прихрамывая, я заковылял вперёд, к ближайшей подставке с чашей-факелом.

Грубо сбросил чашу, и пирусные угли рассыпались по полу. Часть ускользнула в канавку с огнём, окружающую полусферу, и пламя там радостно заиграло, заметно усилившись.

Я перехватил подставку за тонкий медный ствол. Потаскился с ней, как с костылём, к полусфере. Поднос был на высоте всего полметра, но поднять подставку и долбануть ей, как дубиной, было настоящим испытанием.

Поэтому я стоял с минуту, пытаясь отдышаться и приготовиться к удару. Скорее всего, могу и потерять сознание.

А вообще, я вон с плиты упал. И ничего, живой.

С этими мыслями я поднял тяжеленную подставку и, заорав, как недорезанный, размахнулся...

Поднос, зазвенев, как ритуальный гонг, слетел, и ворох свечей покотился по полусфере, ныряя в канавку с огнём. Пламя сразу же зашкворчало, пожирая магические дрова, и наступило резкое облегчение.

«Иной!»

«Благодарим!»

«Ты справился!»

Целый хор голосов вдруг проник в голову. Я выпустил подставку из рук и тяжело осел на пол. Рёбра, надорванные движением, нещадно болели...

«Какое упоение!»

«Облегчение!»

«Рюревские благодарят тебя!»

Скривив губы, я сидел, уставившись в одну точку. Можно было бы и порадоваться вместе с ними, но я уже слышал, как скрипят сапоги в тишине усыпальницы.

Царь Рюревский шёл сюда, и эхо его шагов доносилось из входа...

Глава 5. Ароматный

Пирусное освещение внутри усыпальницы придавало всем предметам красноватый цвет, и кожа вошедшего Царя тоже казалась румяной, будто он вышел сюда прямо из парилки.

Но даже такой бодрящий свет не мог скрыть, что Царь болен. Худой, с натянутой на скулах кожей и с огромными синяками под глазами, он двигался немного тяжело для такой комплекции.

Как же его там? Игорь Олегович Рюревский вроде, если не изменяет память.

Наплечники с тлеющими пирусными эполетами, испускающими красноватый дымок, оставляли за ним след. Длинный бордовый плащ слегка покачивался, а ножны с саблей, инкрустированные магическими камнями всех цветов, били по лакированному красному сапогу.

В свете усыпальницы нельзя было разобрать, был он седым или рыжим, но Рюревский чем-то неуловимо напоминал моего Василия. Тот же дрищ, только рослый, плечистый, и с осязательной силой в жилистых руках, держащих полированный шлем.

Царь увидел меня, сидящего возле полусферы в центре, но ничего не сказал, лишь скользнул взглядом. Постоял, будто ловил равновесие, уверенным шагом пошёл к полусфере, но вдруг остановился.

Его лицо исполнилось отвращения, когда он увидел потухшую свечу, валяющуюся на полу. Одной штучке повезло – она не угодила в огонь, и выкатилась на каменные плиты.

– Грязь великолунская, – шепнул Царь и пнул свечу в канавку с огнём.

Потом подошёл к маленькой дверце, вырезанной в каменном холмике. Покрутил головой, будто искал что-то. Явно не нашёл и, махнув рукой, просто опустил на колени, упёрся ладонями в пол и что-то зашептал, низко склонив голову. Отпущенный шлем звякнул и сиротливо качнулся у ног Рюревского.

По его высушенным болезнью щекам потекли слёзы, но Царь так и продолжал шептать свою молитву предкам, с которыми, судя по всему, не виделся очень давно.

Я не вмешивался...

Взгляд Царя мне не слишком понравился, но пока что я не ощущал смертельной опасности. Шёпот духов усиливался, но нельзя было разобрать, о чём беседовали древние Рюревские со своим заблудшим потомком. Усыпальница наполнилась звуками, витающими где-то на грани между физическим и астральным мирами.

Всё это время я потихоньку сканировал свои чакры. Удивительно, но едва исчез мешающий фактор в виде зачарованных свечей, то всё оказалось гораздо легче.

Заструились мои намерения по измученным энерго-контурам, кровь понесла «правильные» гормоны по венам. Хоть я и не мог быстро исцелить себя, а некоторые увечья требовали серьёзного лекаря, но мне удалось притупить боль. Если бы вдруг случилось чудо и меня оставили в покое, то я бы даже смог восстановить боеспособность.

– Ну, здравствуй, сын, – громкий голос вырвал меня из медитативного состояния.

Царь стоял надо мной, как тёмная скала, заслоняя собой искрящуюся мозаику на потолке. Несмотря на худобу и следы болезни, у него всё ещё была царская осанка – в каждом движении чувствовалась мощь Великого Лунного Рода.

Слёзы уже высохли на его щеках, подёрнутых морщинами, и зрачки Царя горели величественным светом, несмотря на почти чёрную радужку. Наши глаза некоторое время не теряли контакта, и получилась классическая борьба в гляделки.

Ха, пёс толчковый, нашёл с кем тягаться. В этом деле мне, псионику Свободной Феде... то есть... кхм... не понял... Да твою псину, что происходит?!

Я удивился, вдруг почуввав, что могу проиграть в этой игре. Рюревский не был оракулом, и тем более не был опытным псиоником, но ему это и не было нужно – Царь настолько постиг родную стихию огня, что открыл все её сильные стороны.

И сейчас я, не отрывая своих глаз от его тёмных, почти чёрных зрачков, ощущал жжение. Смотреть на Царя было жарко, невероятно горячо, и этот жар ощущался не только на физическом плане – он проникал сквозь кожу, вливался в энерго-контуры, и закручивался огнём в моих же собственных чакрах.

Очищающий огонь, испепеляющий всё лишнее. А лишним внутри Василия был только я... Иной...

Энерго-контуры были пока под моим контролем, но впервые я ощутил, насколько силён Маг Третьего Дня. Это – настоящая мощь, это – невероятная сила. И это практически чистая стихия, будто передо мной не человек-огняш, а Красный Вертун, изрыгающий тонны грязной псионики в эфир.

– Здравствуй... – просипел я пересохшим от жажды горлом, – ...отец.

Точнее, сказал не я, а Василий. Он неожиданно обрёл столько сил, что прорвался сквозь мой заслон, овладев речевым аппаратом.

– Ваше лунное... величие... – мои губы продолжали двигаться.

– Всё закончилось, сын, – худые пальцы опустились на мои волосы.

Сильные, но ласковые. Василий внутри меня взорвался целым букетом эмоций, и я понял, что этот гормональный шторм мне не выдержать.

Да, ну твою же мать, дрищ, ты вспомни, сколько у нас было проблем из-за твоего папаши?! Мы ещё ничего толком не знаем, и может, нас через пять минут в жертву принесут, чтобы победить Чёрную Хворь!

«Вася, не дури!» – мысленно крикнул я, чуя, как всё тело подёрнулось дрожью от волнения.

Куда там, мой Борзов-Ветров-Пёсин настолько разволновался, что я даже перестал различать, что же он конкретно чувствует. Но сила исходила от Василия невероятная, и мне даже пришлось сосредоточиться, чтобы самому не выскочить из тела от такого напора.

Василия можно было понять... Кажется, на его жизненном пути, где он всю жизнь был непонятно кем, забрезжила настоящая надежда. Мало того, что уже не «пустой», так ещё и оказался наследником Великого Лунного Рода.

То, что он заодно и Последний Привратник, как-то мигом забылось. Да и напор от Василия был слишком силён.

Я не мог повернуть голову, но хотел посмотреть, не остались ли где ещё зачарованные свечи. Опять сильная помеха... Да это не помеха даже, а настоящий ветер. И он наполнен голосами.

«Ах вы ж...», – подумал я, сообразив, какие ещё силы подключились сюда.

Духи Рюревских, вы что, гоните меня? Да что за жжёный пёс с вами творится?

Они молчали, не желая вступать в прямой разговор, а мне не хотелось раздумывать над этим. Этот грёбаный день, который в календаре можно было пометить одним только словом «боль», подходил к концу, и моё надорванное сознание требовало отдыха.

А поток усиливался, мне и вправду стало трудно удерживать себя в этом теле. Если бы не такая тонкая синхронизация с Василием, то я бы уже давно выскочил.

Рюревские, кажется, и вправду решили меня слить. А как же договор с Незримой, вы, псы толчковые?! Или ваше слово даже дешевле капитских обещаний?

Я так и сидел, склонившись под властной рукой Царя. Он поглаживал мою голову, что-то ласково приговаривая, и при этом магия невероятной силы ревела в моих нижних чакрах. Столько энергии, что кирпич Вето в третьей чакре скрипел от натуги, едва не разваливаясь от мощного напора.

Стоп. Как в третьей?! Он же был во второй...

Удивление ещё чуть-чуть лишило меня концентрации, и я почуял могильный холод. Рюревские, псы капитские, и вправду надумали слить меня... Если я сейчас выпадну, то куда?!

Тело Тимофея Зайцева наверняка превратилось в пепел, спеклось вместе со степной почвой. После орбитальной бомбардировки не выживет никто, даже псионик.

Если бы нам были подвластны такие силы, как магам в этом мире, ещё можно было бы попробовать. Но испепеляющий жар термитной волны от взрыва снаряда не выдерживает даже сталь.

Я цеплялся, пытаюсь ухватиться за сознание Василия, кричал ему, но тот будто ничего не замечал. У отца с сыном был свой момент единения, и какой-то сраный Иной был тут лишним.

Чтоб вас Пробоина сожрала, черти капитские!

Передо мной вдруг возникла картинка... Чёрные, как смоль, волосы развеваются на пустынном ветру. Округлые груди, блестящие в свете Красной Луны, прыгают при каждом скачке «уголька». И серые, как псарэс, глаза горят на фоне мрака, пожирающего пустыню.

«Тим».

Её голос, так давно не слышимый, придал мне сил. Где-то Эвелина, она ещё жива, и ждёт меня. Так уж получилось, что в этом мире богине могу помочь только я.

«Я приду, любовь моя», – моя мысль улетела вслед за её образом.

Незримая не сможет долго прятаться в своём коконе, и когда-нибудь её настигнут... Да псовая луна, как я мог забыть-то?! Кокон!

И тут же моё сознание свернулось в точку.

Стенки кокона были повреждены, и здесь моему сознанию тоже пришлось цепляться, сопротивляясь ледяному ветру.

Обугленные и чадающие дымом куски скорлупы то сходились, то расходились, и тогда передо мной открывался вид на абсолютную черноту. А морозный ветер пронизывал насквозь мою душу.

Я знал, что это за холод. Если сдамся, то дальше только смерть. Что там, за её пределами, я выяснять не хотел, но если даже Незримая не хочет умирать, значит, ничего хорошего ждать не приходится.

А то ещё попаду в тот мир, про который Легион проговорился. Откуда все боги приходят. То-то они скопом оттуда бегут...

Так, Тим, хватит уже паниковать. Тебе не надоело?

Тренировки псиоников вызывали одну интересную привычку – когда солдат паниковал, через некоторое время начинал испытывать лютейший дискомфорт. То есть, длительное отсутствие контроля над собой вызывало неудобство.

Вот и сейчас я привычным образом успокоился. Ну, ты свинтил оттуда, Тим. Лучше вот займись своим коконом, попытайся его подлатать.

Кстати, я никогда этим не занимался. Просто до этого дня, пока я не полез в усыпальницу, защищённую магией огня, кокон никогда не разрушался.

Но что-то надо было делать, и я стал потихоньку мысленно подгонять кусочки, которые держались на честном слове. Чем бы вас закрепить? Я не нашёл ничего лучше, чем просто представить дуговую сварку... и скорлупа вправду стала вдруг соединяться.

Не знаю, сколько прошло времени, ведь здесь оно имело свой ход. Но едва я закончил починку своего укрытия, как за скорлупой вспыхнул свет. А потом кокон сотрясся, будто в него ударила волна огня.

Волна огня была не одна. Я бы ещё поверил в совпадение, но когда на фоне горящего пламени ещё появилась и крылатая тень, стало ясно – кто-то явно пытается меня достать. Эта тень могла быть только хищным сознанием Стража Душ.

– Кажется, в этом мире вообще никому нельзя верить, – прошептал я, наблюдая за яростью стихии снаружи и за тщетными попытками хищной птицы пробить когтями скорлупу.

Прошло довольно много времени, прежде чем эти попытки закончились. Но я не первый год был солдатом, поэтому выждал ещё.

И правильно. Атаки не прекращались, и противники не пытались соблюдать никакого ритма. Могли атаковать и каждые пять минут, и делать паузы по паре часов.

Потом наступило долгое затишье.

Когда я всё-таки решил выбраться из своего кокона, прошло очень много времени. Все истории были выгашены из памяти, все песни спеты, все воспоминания просмотрены...

Я даже вспомнил имена всех девушек, с которыми имел отношения. Но, когда дошёл до Эвелины, постарался опять спрятать женский батальон в глубину памяти. А то мало ли, богиня всё-таки, надумает ещё из ревности отомстить конкуренткам.

Не знаю насчёт других миров, но Соболева жила в этом, так что...

– Пора вылезать, – прошептал я сам себе, – Ты уже от скуки с ума сходишь.

Вот так, вот именно так и должно было произойти моё появление в этом мире. Не в вонючем толчке, а в уютной постели.

Шикарный потолок, отделанный позолотой и лепниной, контрастировал с тёмным мрамором колонн вдоль стен. Я лежал на перине, укрытый мягким пуховым одеялом, и смотрел на огромную люстру, свисающую прямо перед кроватью.

Ох, луна моя желанная! Эта высшая степень комфорта, уже почти забытая... Ощущать, что тело нежится на чистых выглаженных простынях, которые даже ещё слегка похрустывают.

У меня, как у солдата, такое бывало довольно часто. После боевых командировок, когда ты спишь на земле там, где удалось приткнуться, ощущение цивилизованной кровати каждый раз было всё слаще и слаще. Правда, солдату этот капитский кайф быстро надоедал, но всё же эти секунды ни с чем нельзя сравнить.

Значит, Вася, ты тут прохладился, пока я там в яйце от злых сил отбивался?

К счастью, от Василия сейчас же прилетела эмоция. Он был несказанно рад, что я жив, и при этом очень удивлён. Всё это сопровождалось общим ощущением тревоги, и я понял, что пропустил что-то интересное.

– Ладно, – прошептал я, – Разберёмся, я же обещал.

– Проснулись, ваше великолуние? – послышался ласковый женский голос.

Я повернул голову. Между двух мраморных колонн в высоких двойных дверях стояла служанка с полным подносом в руках.

Одета вроде и скромно, но при этом чёрное приталенное платье так обтягивало фигуру, что подчёркивало все достоинства. Да и накрахмаленный передник заметно изгибался под напором груди.

Тим, твою псину, о чём ты думаешь? Всего пять минут назад при смерти был... Ну, подумай об этой девице тогда уж, на всякий случай. Её ж Незримая прибьёт!

Моих ноздрей коснулся запах горячей булочки и заваренного чая. И тут же живот скрутило от возникшей там Пробоины, и вся моя утроба разразилась ужасным рёвом. Прелести служанки сразу померкли перед единственным зовом организма: «Жрать!»

Правда, в аромате чая чувствовался бергамот, и это чуть смазало радость. Неужели и в этом мире существует такое издевательство над чаем?

– Проголодались, ваше великолуние? – служанка засеменила ко мне галантной походкой, и поднос ни разу не качнулся.

Я сел и вдруг понял, что над телом здорово поработали целители. Да Вася вообще бодрячком, ни единого напоминания об увечьях – хоть сейчас стометровку в полной боевой выкладке.

Служанка, водрузив поднос мне на колени, тут же кинулась подпереть мою спину подушками. Обнаружилось, что за передником у платья довольно глубокий вырез...

– О, юный царевич совсем выздоровел? – мой взгляд был замечен, и щёки служанки налились румянцем.

Она целомудренно подтянула верхний край передника, при этом улыбнулась самой что ни на есть скромной улыбкой. Именно такой, которая распаляет страсть мужчины ещё больше.

Соблазнить не просто женщину, а такую скромницу... Что может быть желаннее?

Впрочем, до меня только дошло, как она обратилась, и я удивлённо переспросил:

– Царевич...

То есть, попытался переспросить, потому что от Василия вдруг прилетел короткий тычок-предупреждение. Всю сонную одурь тут же как рукой сняло, и я послушно уставился на поднос.

Стакан парящего чая, в котором плавали какие-то специи. Имбирь, кажется, лепестки цветов... и бергамот, чтоб его Пробоина сожрала. Но булочка перебивала всё своим умопомрачительным ароматом – сверху она блестела крупинками сахара, и внизу была пропитана им же, только растаявшим. Маленькое блюдо со сметаной дополняло королевскую картину.

Служанка ждала, продолжая источать ауру девичьей привлекательности. Но, предупреждённый, я уже понял, что здесь кроется какая-то ловушка.

«Может, это связано с Последним Привратником?» – мелькнула у меня мысль.

Ведь Эвелина что-то там говорила про Избранниц и мужа, которого они ждут. Да вашу посовую луну, что, ещё одна Избранница?

– Да, проголодался, – наконец, сказал я, лишь скользнув взглядом по фигуре служанки, – Оделась бы поскромнее, чушка!

От меня не укрылся враждебный блеск в глазах служанки, но в то же время ореол страсти вдруг исчез. Это явно была какая-то проверка, и я её со скрипом, но прошёл.

Что от меня ожидали? Что наброшусь на неё, как маньяк, и раскроюсь? Или, наоборот, я должен был наброситься, чтобы не раскрыться?

– Приятного аппетита, ваше красное великолуние, – сухо ответила служанка, – Передать его лунному величеству, что вы проснулись?

Я усмехнулся:

– Да, да, конечно. И этим ракам за дверью скажи, пусть заходят.

То, что за пределами комнаты находились оракулы, я уже давно почуял. Их осторожное прошупывание комнаты веяло в пространстве на грани чувствительности любого мага, но не псионика. До чистой небесной энергии Стражам Душ было далеко, даже служанка и та сработала тоньше.

– Мы рады, что вы в добром здравии, царевич Василий Игоревич, – послышался ещё голос в комнате.

Служанка чуть присела перед ним, склонив низко голову:

– Господин великий магистр...

– Иди, безлунная.

Вошедшего Стража Душ с яркой золотой кокардой на фуражке я ещё не знал лично, но, кажется, уже разок видел. Не он ли сопровождал ту когорту, которая проверяла студентов в Академии Маловратска?

Комнату заполнила его мощь, поэтому я не делал лишних движений в астральном плане. По-хорошему, надо, чтоб Василий хотя бы вкратце показал мне, что тут происходило, но проводить манипуляции с памятью рядом с таким сильным оракулом будет только самоубийца.

И так ясно, что, пока я прохлаждался в коконе, Иного тщательно искали. Царевича, то есть, моего Василия, просто-напросто сканировали все, кто мог. Иначе как объяснить тот огонь и тени за пределами кокона?

Сейчас меня интересовал совсем другой вопрос. Как всё это понимать?

Духи Рюревских хотели меня слить или наоборот, заставили залезть в кокон? Васёк-то явно за меня переживал, и до сих пор на моей стороне. Я лежу в мягкой кровати, а не в темнице в кандалах. Но меня тщательно охраняют – до меня уже дошёл флёр магии от сильных воинов-огняшей, которые находились на этом же этаже.

Меня ждали, но меня боятся. Значит, не всё ладно в царстве красногорском...

Ничего не понимаю. А раз так, значит, будем просто наслаждаться моментом.

– Ну фто, я плофол пловелку? – пробубнил я с набитым ртом.

Что-что, а булочка тут и вправду царская. И чай... да твою ж луну псовую, даже с бергамотом это питьё богов!

– Царевич, ваша жизнь сейчас для нас – самое ценное. Поэтому отнеситесь с пониманием, – вздохнул Страж Душ, наблюдая, как я окунаю булку в сметану, – Сегодня его лунное величество собирает Малый Совет, и вы, наконец-то, сможете на нём присутствовать.

Глава 6. Гудящий

Для Малого Совета ночная пижама явно не годилась, и меня повели в гардеробную, которая почему-то находилась на другом конце дворца. Провожала уже другая служанка-безлунная, и увидев её, я испытал двойкие чувства.

Ну, во-первых, она была симпатичной натуральной блондинкой, и все её прелести буквально выпирали из платья. Будто какие-то капитские боги узнали все мои требования к женщинам, и соединили в одном теле. Но при этом голубые глаза служанки источали ненависть, причём такую холодную, что все мои симпатии сразу занесло снежной бурей.

– Ваше лунное величие, – сказала она ровным тоном, – Прошу следовать за мной.

Служанка пошла впереди, указывая дорогу. Страж Душ сопровождал меня, следуя чуть позади, и я понял, что мои самые худшие опасения сбылись.

Вашу же псину! Теперь я очень важная персона, и остаться одному будет затруднительно.

Чувство, что за мной следят, пронизывало насквозь, заставляя нервно дёргаться кончики моих энергоконтуров. Интуиция будто сошла с ума, и просто кричала, коротко и ясно – «убирайся отсюда!»

– Вы должны всегда быть начеку, ваше великолуние, – подал голос Страж Душ, – Не всем нравится, что вы появились во дворце.

Пёс ты очевидный, ты ещё скажи, что у меня две ноги. Я и так всей кожей ощущал, что даже стены следят за мной.

Зато теперь ясно, что это мой телохранитель. Странное дело, но от него я не ощущал ни малейшей угрозы.

– Хорошо, что вчера мы вовремя заметили того убийцу, Красная Луна благоволит вам. Но его лунное величество очень надеется, что вы не будете больше предпринимать попыток сбежать. Мы понимаем, что у вас было сложное детство, но и вы поймите, что ваше упрямство только на руку врагам Красногории.

Эх, жаль, вынуть Васька из глубины души рядом с оракулом и расспросить никак не получится.

Значит, на меня уже было покушение? Ну что ж, приму к сведению, но больше всего меня смутило другое – почему Василий пытался сбежать?

Опять куча вопросов, и не у кого спросить. Да ещё эта невидимая слезка... так ведь и с ума можно сойти.

Зато слова Стража Душ подсказали, как мне дальше себя вести. Если я пытался сбежать, значит, скромностью страдать не должен.

Теперь хоть понятно, почему так много охраны. По пути попадалось много стражников, разодетых в форму разных цветов, и все приветствовали меня с разной степенью честности.

Кто-то улыбался искренне, а у кого-то за чёрствой улыбкой чувствовалась неприязнь. Мной и восхищались, и испепеляли взглядом. Стройная служанка, покачивающая впереди меня бёдрами, тоже излучала негативные эмоции, но только слишком уж ровный от неё шёл фон.

Такое чувство, словно девушка находилась в высшей степени сосредоточения, и к чему-то готовилась.

– Во дворец прибыли советники Малых и Больших кругов, главы Великих Лунных родов... – отвлек меня Страж Душ.

Я перебил его:

– Великих Лунных родов? Их всего два, а ты так говоришь, будто Великих Родов много.

Моя псионика уловила лёгкое изменение в эмоциях стражников, услышавших наш разговор. Кто-то радовался, кто-то злился. Ну, ясно, прибыл тут во дворец хрен знает кто, да ещё смеет рот разевать на святое.

Реагировали все, кроме служанки. У той было всё ровно.

Страж Душ снисходительно улыбнулся:

– Понимаю, вы не симпатизируете Вепревым. Но они достойно правят Магославским краем, чтят память о Борзовых, и наш государь достойно отмечает их службу...

– Вепревы – не Борзовы, – с лёгким нажимом произнёс я, – Можешь называть их влиятельными, но не великими. Кровью не вышли.

Мои слова сквозили презрением, но так было надо. Я всё следил за служанкой, точнее, за её эмоциональным фоном. Ну не могут быть безлунные такими чёрствыми чурбанами, как она.

– О, великая луна, вы очень похожи на отца, – сказал охранник.

Это одобрение или нет? Непонятно.

– А чернолунники будут? – спросил я.

– Члены Верховного Совета будут...

– Кстати, от великолунцев у нас есть дипломаты?

– Ну какие дипломаты, ваше лунное величие?! У нас с Великолунией война, чтоб их Пробоина сожрала! – возмутился Страж Душ.

– Все войны когда-нибудь заканчиваются, – усмехнулся я.

– Эта война закончится только поражением Великолунии.

Есть! Всё-таки скакнула нервинка у служанки, едва зашла речь о Великолунии.

Так это убийца, которую великолунцы послали прикончить новоявленного наследника? То-то она так умеет контролировать эмоции.

Скорее всего, она понимает, что не успеет уйти и умрёт. Если она здесь, то, значит, очень давно во дворце, и возможно, даже с рождения. Не знаю, как её завербовали, но спустя годы конспирации, когда вдруг приходит приказ действовать, даже профи должен заволноваться.

Я втянул воздух носом, концентрируюсь, и ощутил лёгкую, едва уловимую вонь «порошка счастья». В её крови была самая крупинка, на грани чувствительности. Понятно, приняла для лучшей концентрации и храбрости, чтобы притупить инстинкт самосохранения.

Каблучки служанки размеренно цокали, мы шли мимо приветливо улыбающихся гвардейцев. Встречались и Стражи Душ, которые совсем не чуяли опасности от служанки, зато внимательным взглядом сканировали меня, судя по всему, до последнего надеясь подловить Иного.

Ага, щаз-з-з. Хрен вам, а не Иной!

Я не поднимал панику, с надменной улыбкой игнорируя большинство приветствий, и размышлял. А ведь не только великолунцы могли наделить безлунную артефактами, чтобы её не раскрыли оракулы.

Да ну нет же, Тим. На чернолунников это не похоже, пусть тут и пахнет проклятым порошком. Та служанка, которая приносила завтрак – вот она точно работает на них, даже приёмы похожи. А эта хладнокровием больше напоминает диверсанта Ключевца.

Если всё время настраиваться на тонкую псионику, можно просто-напросто устать и потерять чувствительность. Тем более, если я активно начну действовать, у многих возникнут вопросы – откуда выскочка, которому только-только стукнет двадцать один, владеет такими навыками? А не Иной ли в нём до сих пор сидит?

Поэтому я, не желая насиловать свои чакры, на время отпустил ситуацию. Меня сопровождает телохранитель, вокруг полно стражи, имею право расслабиться.

Убийцу всегда надо ловить, когда он начнёт действовать. А так все подумают, что новоявленный наследник сошёл с ума, нападает на прислугу.

Тем более, Тим, ты же сам хотел попасть во дворец, объявить о своей принадлежности к великому роду. Теперь в наших рукавах сильные козыри, только вот цели не совсем ясны.

Одну я знаю точно – надо спасти Эвелину. А вот зачем меня в этот мир притащили духи Рюревских?

Больше всего во дворце было магов из Пламенной когорты, коридоры пестрели в основном красной формой, но и другие стихии тоже присутствовали. Непроизвольно я приглядывался к магострелам, которыми были вооружены гвардейцы, дежурящие в коридорах на каждом углу и у окон. Кажется, такую модель я ещё не видел.

Страж Душ, охраняющий меня, и вправду работал на совесть. Пронизывал взглядом каждого стражника, оглядывал каждого встреченного слугу, и я всё время чувствовал «пузырь» его сканера, давящий на мои контуры. Даже странно, что он не ощущает опасности от служанки.

Чтобы немного отвлечься, я стал рассматривать коридор, по которому мы шли. Магия здесь ощущалась в каждом предмете вокруг.

Магия... и роскошь.

Ещё в богато обставленной спальне я догадался, что царский род не считается с расходами. И всё равно я таранился по сторонам, оглядывая роскошный интерьер в коридоре, где изобиловали белый и красный цвета.

На стенах висели картины с героями Красногории и с предками великого рода Рюревских. Стояли статуи этих же, судя по всему, героев, возвышающиеся под самый потолок – а он здесь был очень высоким.

Некоторые изваяния были сделаны с такой задумкой, будто стояли у стены между колоннами, и смотрели в окна напротив. Искрились пирусом стеклянные витражи, и даже светилась инкрустация в цветочных горшках на мраморных подоконниках.

«Ах вы ж псы капитские!» – думал я.

Эти красивые камешки на горшках заставили меня остановиться, и гвардеец, стоявший рядом с окном, подобрался по стойке «смирно».

При взгляде на мерцающие алмазы в моей крови недобро зарычал потомок древних революционеров из истории нашей Свободной Федерации. Это была далёкая и не самая лучшая страница нашей истории, но след она оставила такой глубокий, что каждый федерал остро чувствовал классовую несправедливость.

Я вспомнил Хомяка и Сивого, других обычных солдат Царской Армии, распивающих брагу из фляжки у костра и потягивающих самокрутки. Вспомнил, как они переживали о судьбе Красногории, размышляли о войне с Великолунией.

Вот она, судьба вашей Красногории. В алмазах, искрящихся на позолоченных боках обыкновенного цветочного горшка.

– Нам надо торопиться, ваше великолуние, – меня отвлекла служанка, которая не сразу заметила, что мы отстали, и вернулась, – Мы почти пришли.

Вот теперь она начала нервничать. Значит, то, что я остановился, не по плану.

– Безлунная права, – кивнул Страж Душ.

– Ага, – задумчиво бросил я в ответ, рассматривая пейзаж за окном.

Город. Большой, в стиле древних европейских столиц. И скорее всего, я нахожусь в столице Красногории, в Великорюевске.

Крыши домов тянутся к горизонту, где в лёгкой дымке возвышаются далёкие горы. Там меня ждёт Эвелина...

Приоткрытая форточка бубнила шумом рабочего дня, я подошёл поближе к окну и увидел стену, окружающую дворцовый двор. Видимо, царская семья не доверяла обычному безлунному народу.

– Прекрасная работа мастера, ваше великолуние, – с лёгким нетерпением сказала служанка, заметив, что я трогаю цветочный горшок.

Она явно нервничала, бросая взгляд за спину, в конец коридора, и теребила иногда фартук. В какой-то момент девушка переглянулась с гвардейцем, стоящим рядом со окном.

– Его лунное величество просило нас поторопиться, – дрожащим голосом добавила служанка.

– Безлунная, знай своё место, – бросил Страж Душ, но тут же пристально посмотрел на меня, намекая, что время и вправду поджимает.

Я послушал эфир вокруг себя, чувствуя, как закручивается стихия огня внутри гвардейца, который старательно отводил от меня взгляд. Магострел с необычно широким дулом стоял у его плеча, пальцы подрагивали на стволе, и я ощутил от гвардейца настоящую опасность.

Скользнув по служанке взглядом, я сразу всё понял.

И со вздохом сказал:

– Если продать этот алмаз, можно было бы накормить полгорода, – и улыбнулся, – Когда я стану царём, надо будет избавиться от всего этого.

Мои пальцы небрежно помахали, указывая на лишнее богатство вокруг, но мои глаза внимательно следили за реакцией служанки.

Всё-таки я попал в точку. Я не был особо талантливым психологом, но если бы служанка ненавидела меня просто из классовой неприязни, то мои слова подарили бы ей надежду. Но тонкий поток негативных эмоций совсем не изменился и не дрогнул.

Служанка с улыбкой ответила:

– Царевич очень милосерден и справедлив.

Поджав губы, я обернулся на Стража Душ, который крутил головой, прислушиваясь к чему-то. Оракул тоже почувал опасность, поэтому старательно сканировал окружение.

Служанка явно хотела заманить за собой, поэтому, развернувшись, упрямо пошла дальше по коридору.

Я сделал пару шагов вслед за ней. И тут же интуиция взревела бешеным зверем.

– Ваше великолуние... – Страж Душ хотел положить мне руку на плечо, останавливая.

И началось...

В коридоре впереди раздаётся взрыв, одна из дверей выносится огнём, и пламя поглощает сразу несколько стражников, как раз вышедших из-за угла.

Вслед за оглушительным хлопком в лицо ударяет волна огня...

Но настоящая опасность не там. У меня доли секунды, чтобы среагировать. И я не нашёл ничего лучше, чем просто рвануть в сторону, под прикрытие одной из статуй. А спина уже чувствует движение пирусных пуль...

Слишком мелкие, и слишком много в одной куче. Картечь?!

Магическим усилием я едва успеваю отвернуть с траектории основной заряд, метящий мне в затылок, но плечо всё равно режет несколько дробинок. Мне показалось, или из коридора тоже стреляли?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.